Маленькая черная ложь

Автор:
Шэрон Болтон

Маленькая черная ложь

Шэрон Болтон

Tok. Национальный бестселлер. Британия

От номинанта на премию «Золотой кинжал» за «лучший криминальный роман года».

«Я спрашивала себя: способна ли я убить? Спрашивала – и, похоже, получила ответ. Мне не трудно убить. Более того, у меня неплохо получается…»

Роковая беспечность, трагедия – и двое детей мертвы. Ваши. Вот уже почти три года как небрежность бывшей лучшей подруги оборвала их жизни. Теперь каждая случайная встреча с этой женщиной в маленькой общине Фолклендских островов – пытка. И единственное, что пока еще дает силы существовать дальше – месть. Но совсем скоро наступит годовщина их смерти, и тогда… Пришло время уравнять счет. Осуществить самые темные мечты.

Вот только реальность вносит свои коррективы: бесследно пропадает маленький мальчик. И это уже третий ребенок, исчезнувший за последние несколько лет. Полиция настаивает на том, что все произошедшее – несчастный случай. Но что, если это не так? Что, если на самом деле среди горожан затаился монстр? И что, если всё указывает на то, что монстр этот – именно вы?

Шэрон Болтон – автор десяти романов, получивших высочайшую оценку литературных критиков во всем мире, обладательница премий Мэри Хиггинс Кларк и CWA Dagger in the Library

«Мрачный, преследующий тебя триллер. Он проникает под кожу и не отпускает». – Пола Хокинс, автор мирового бестселлера «Девушка в поезде»

«Я в восторге! Я не ложилась спать и полностью игнорировала свою семью. Это идеальный триллер. Захватывающая картина, полная секретов и предательств. Друзья, любовники, соседи – каждому есть что скрывать…» – Лиза Гарднер

«Хорошо продуманная колыбель лжи и предательства. Но что делает эту книгу особенной, так это яркое изображение самих Фолклендских островов, будь то дикая природа или клаустрофобная природа человеческого существования на маленьком острове». – The Guardian

«Максимально мрачная и эмоциональная история, способная выбить почву из-под ваших ног. Напряжение будет нарастать с каждой главой, а финал сумеет несколько раз вас удивить и в итоге шокировать. Автору удалось мастерски раскрыть характеры всех персонажей и обнажить их самые темные стороны. Блестящий психологический триллер». – Книжный блогер Гарри @ultraviolence_g

Шэрон Болтон

Маленькая черная ложь

© Гольдберг Ю.Я., перевод на русский язык, 2021

© Издание на русском языке, оформление. ООО "Издательство «Эксмо», 2022

Посвящается Энн-Мари, которая первой сказала мне, что я это смогу, и Саре, благодаря которой я делаю это лучше

И каждый взгляд меня клянет.

Хотя молчат уста,

И мертвый Альбатрос на мне

Висит взамен креста [1 - Здесь и далее пер. В. Левика.].

Сэмюэл Тэйлор Кольридж, «Сказание о Старом Мореходе»

Часть I

Кэтрин

Я спрашивала себя, способна ли убить. Смогу ли я, глядя в глаза живого существа, совершить одно непоправимое действие, обрывающее жизнь. Спрашивала – и, похоже, получила ответ. Мне не трудно убить. Более того, у меня неплохо получается.

День второй

Вторник, 1 ноября 1994 года

1

Я убеждена, что при определенных обстоятельствах на убийство способен каждый. Нужен лишь достаточно сильный мотив. Вопрос в том, готова ли я? Наверное. Потому что в последнее время ни о чем другом я не думаю.

Полночь наступила минуту назад. Через два дня будет третье ноября. Еще два дня. Готова ли я?

Что-то движется. Это не вода, окружающая меня со всех сторон и совершенно неподвижная, а отражение птицы. Мне не нужно поднимать голову – я и так знаю, что это гигантский буревестник. Массивные птицы, похожие на доисторических чудовищ, с размахом крыльев до трех метров и загнутым

клювом, часто следуют за мной, особенно когда я выхожу в море ночью, и не отстают от лодки, как бы далеко и быстро я ни плыла.

Сейчас я никуда не плыву. Сижу в кокпите[2 - Кокпит – внутреннее пространство судна, предназначенное для нахождения в нем рулевого и пассажиров.] и смотрю на фотографию сыновей. Наверное, уже давно, потому что чувствую резь в глазах. Я крепко зажмуриваюсь, а затем заставляю себя отвести взгляд.

На фоне ночного неба выделяются силуэты далеких гор. Вода похожа на старое зеркало: местами в паутине трещин, слегка мутное. Иногда с ним это бывает, с океаном. Он становится настолько не похожим на себя, что ты мгновенно теряешься, забывая о том, что это одно из самых суровых и безжалостных мест на земле.

Я стою на якоре у побережья Фолклендских островов – крошечного архипелага в Южной Атлантике. Настолько далекого от всего, что может быть интересно, а также от главных событий, происходящих на мировой арене, что на протяжении многих веков на него почти никто не обращал внимания. Но потом он стал брошенной костью, за которую, словно собаки, дрались движимые эгоизмом политики.

Несколько коротких недель о нас говорил весь мир. Но это было более десяти лет назад, и вскоре все снова о нас забыли.

Но мы ничего не забыли – и Аргентина тоже. Даже через двенадцать лет после пинка под зад, который получили тамошние власти, они время от времени с вожделением посматривают в нашу сторону. Аргентинцы говорят, что Мальвинские острова[3 - Аргентина до сих пор называет этот архипелаг Мальвинскими островами, в то время как для всего остального мира они остаются Фолклендскими.] принадлежат им. Мы посылаем аргентинцев подальше.

Нельзя сказать, что мы очень рады тому, во что превратились: в дорогую игрушку, один из последних осколков Британской империи. Мы мечтаем о независимости, о собственных доходах, которые позволят себя защищать. Надежда эта призрачная. И мы никогда не чувствуем себя в безопасности.

Фотография моих сыновей выцвела. Сейчас это не очень заметно, но при дневном свете красная куртка Кита выглядит тускло-розовой, а желтые ботинки Нэда приобретают нездоровый коричневатый оттенок.

Неподвижное отражение луны неотличимо от оригинала, словно она упала с неба в воду, целая и невредимая, и лежит прямо за кормой, легкая и бесплотная, похожая на лепесток деревянной стружки, а вокруг разбросаны звезды, как будто кто-то беспорядочно разбрызгал краску по поверхности океана. В этом отдаленном уголке Южной Атлантики нет светового загрязнения, и кажется, что звезды окружают меня со всех сторон. Когда я жила в Северном полушарии, где они – просто булавочные уколы света, иногда почти полностью невидимые, то часто забывала о том, как их много. Но здесь, дома, выходя в океан ночью, каждый раз вспоминаю о необъятности неба.

Я встаю, зная, что у меня осталось около двадцати минут. Меняю баллон, проверяю уровень кислорода, надеваю маску, беру в рот загубник и шагаю с кормы.

Вода мгновенно окутывает меня ледяным одеялом. Несмотря на защитный гидрокостюм, холод пробирает до костей, но я не обращаю на него внимания. Это – часть процесса акклиматизации. Превращение из существа, ползающего по земле, в морского обитателя.

Здесь неглубоко, не больше двадцати метров. Конечно, удалившись так далеко от берега в одиночку, я нарушила первейшее правило безопасности дайверов, но рядом нет никого, обладающего достаточным авторитетом или влиянием, чтобы меня остановить. И, кроме того, меня не слишком волнует собственная безопасность.

Я нахожу глазами трос, который уходит в глубину и исчезает в темноте, стравливаю воздух из гидрокостюма и погружаюсь. На глубине нескольких футов переворачиваюсь и плыву к густым зарослям ламинарии.

Ламинария, которую большинство людей называют просто морскими водорослями, растет здесь в изобилии. Прикрепившись к морскому дну чем-то вроде корневой системы, она тянется к свету. Ее листовидные отростки и усики поддерживаются в вертикальном положении пузырьками, заполненными

воздухом.

Много лет назад здесь затонуло судно. Его разрушающийся корпус определяет величественную подводную архитектуру этого места. Громадные обломки дерева, колонизированные морскими обителями, поднимаются над морским дном, словно подводные города. А над ними возвышается похожая на древний лес ламинария, плавное движение которой не останавливается ни на секунду.

Поравнявшись с верхушками водорослей, я продолжаю спуск. В этой чистой воде при дневном свете меня окружали бы необыкновенно яркие краски, но ночью оттенки стали мягкими, приглушенными: кремовая ламинария, темно-синяя дымчатая вода, редкие рубиновые сполохи крабов, ползущих по песку.

Я собираю морских ежей. Заросли ламинарии – излюбленное место нереста рыб. В последнее время водорослей стало меньше, и одна из возможных причин состоит в том, что морские ежи объедают их корни. Нам с коллегами нужно понять, появились ли в наших местах новые виды или просто популяция этих животных стала немного прожорливее. Продажа лицензий на промысел рыбы могла бы стать очень выгодной для экономики островов. Рыба важна, а значит, важны леса ламинарии и мои морские ежи. Ночь они проведут в холодильных камерах на лодке, а утром я отвезу их в свою лабораторию в Стэнли.

Многие дайверы не любят ламинарию. Им неприятно ее прикосновение, и они опасаются, что их руки и ноги запутаются в похожих на щупальца отростках. Мне же нравится чувство безопасности, которое дает этот «лес». Я наслаждаюсь своей незаметностью, возможностью застать врасплох других обитателей моря, хотя иногда врасплох застают меня. В водорослевых зарослях погружения для сбора материала всегда проходят успешнее.

Внезапно понимаю, что я здесь не одна. Кто-то приближается. Водоросли передо мною ритмично движутся, а через секунду я оказываюсь практически нос к носу с молодым морским котиком. Он смотрит мне в глаза, затем снова устремляется за добычей. Она такая быстрая, что я даже не успеваю определить, что это за рыба. Смотрю, как они делают зигзаги над океанским дном, но тревожное ощущение никуда не девается.

Это происходит мгновенно. Над моей головой появляется гигантская тень, вода начинает давить с огромной силой, и кто-то большой устремляется к морскому

котику. Они налетают друг на друга. Яростное трепыхание, разорванная плоть. Вода вскипает струей пузырьков, и животные снова разъединяются.

Непрошеный гость – это морской слон, крупный самец больше двух метров длиной. Он гораздо медленнее своей жертвы, но чрезвычайно силен. В зарослях ламинарии начинается яростная погоня, и я понимаю, что нахожусь в опасности.

Морской слон обычно не нападает на людей и даже на крупных тюленей, но этот увлечен охотой, им движет жажда убийства. Вода уже окрасилась кровью морского котика. Если он ускользнет, а морской слон заметит меня, то будет действовать не задумываясь. Я замираю, присев на корточки среди стеблей и надеясь, что погоня уйдет в сторону…

Зря. Морской котик плывет прямо ко мне, собираясь нырнуть и спрятаться в густых зарослях, но тут сверху обрушивается морской слон. Он смыкает свои мощные челюсти на шее жертвы и яростно трясет. Через несколько секунд голова морского котика бессильно повисает. Морской слон поднимается к поверхности со своей добычей.

Вот так это и происходит. Быстро, жестоко, без каких-либо сомнений и раздумий. Именно так мы убиваем. Сегодня я много думала о смерти. И когда сидела на поверхности океана, и когда погружалась на глубину… размышляла о смерти и о способности людей приносить смерть. О том, способна ли я убить.

В конце концов, я из рода потомственных убийц. Мой дед, с подходящим именем Бартоломью Гроб, был одним из самых успешных и безжалостных убийц, которых только знал этот уголок мира. День за днем он вместе со своей бандой уходил на охоту и без отдыха и жалости преследовал добычу, наблюдая, как океан становится красным от крови. Дедушка убивал китов, а не людей, но ведь разница не слишком велика, правда?

Последний морской еж оказывается в мешке. Мне больше нечего здесь делать. Поднимаясь на поверхность в окружении пузырьков воздуха, я еще с глубины в несколько футов[4 - 1 фут = 30,48 см.] замечаю звезды. А вынырнув, не сразу нахожу лодку. Пока я была под водой, сковавшие океан чары рассеялись, и вода снова пришла в движение. Вокруг вздымаются волны, и мне становится не по себе. Я одна, далеко в море. И если не смогу вернуться к лодке, то умру здесь. Меня уже довольно давно не покидает ощущение, что жизнь подходит к концу.

Значит, это будет вот так? Значит, мне суждено умереть сегодня?

Нет, вот она, лодка, меньше чем в двадцати метрах от меня.

Куини проснулась. Она бегает вдоль борта, пока я не хватаюсь за трап и не поднимаюсь на палубу. Склоняюсь над ней, чтобы погладить, и с меня стекает вода. Куини убегает и приносит в зубах старое полотенце со своей подстилки. Оно все в грязи и собачьей шерсти, но я оценила порыв.

Куини – стаффордширский терьер, но слишком мелкая для своей породы: маленький клубок мускулов и мягкой, шелковистой шерсти. Нос, ноги и кончик хвоста у нее белые, а все остальное – черное, как мысли в моей голове. Ей четыре года, и я готова поклясться, что иногда она вспоминает мальчиков. Что она тоже скорбит по ним.

Поднимаю якорь, завожу двигатель, беру курс на юг, к Стэнли, и снова вспоминаю дедушку. Сегодня мои мысли упорно держатся мрачного направления, а тайные планы пробираются в самые темные закоулки сознания, словно ползущие по лесной почве цепкие корни.

Дедушка Гроб, отец моего отца, был одним из великих китобоев Южной Америки, последним из династии морских охотников, основатель которой покинул Нантакет[5 - Нантакет – остров в Атлантическом океане у Восточного побережья Северной Америки.] в 1804 году и четыре месяца спустя прибыл на Нью-Айленд на Фолклендских островах. Следующие две сотни лет они грабили острова и окружающий их океан. Дикая природа этих мест, на суше и на море, до сих пор не может восстановить ущерб, нанесенный дедушкой Гробом и его предками.

Он умер, когда я была совсем маленькой. Жаль…

Сворачиваю в более спокойные воды Порт-Уильяма и слегка меняю курс, чтобы пройти как можно дальше от круизного лайнера «Принсесс Ройял». До конца лета здесь пройдет непрерывная вереница таких судов, останавливающихся у нас на несколько дней по пути к Южной Георгии[6 - Южная Георгия – крупный субантарктический остров в Южной Атлантике.] и Антарктиде. Сотни туристов, ежедневно высаживающихся на берег, когда лайнер заходит в гавань, – настоящая палка о двух концах. И местное население в равной степени радо и

недовольно. Сегодня в порту необычно оживленно и шумно. Несмотря на поздний час, пассажиры таких судов склонны к буйному веселью, так что звуки пирушки бывают слышны за много миль от берега.

Не замеченная столпившимися на палубе лайнера людьми, проскальзываю мимо и направляюсь к внутренней гавани. Уже почти час ночи. Скоро я буду отсчитывать часы, а не дни. Мне еще нужно закончить кое-какие дела, выполнить обещания, данные другим людям… Свободного времени не будет, и это хорошо.

Осматриваю лодку. Баки с бензином и водой залиты доверху. В запертом шкафчике хранится пневматический пистолет, стреляющий дротиками со снотворным, на тот случай, если понадобится усыпить крупное млекопитающее, и старый дедушкин револьвер, если единственным вариантом останется самоубийство. Оба «ствола» исправны и в рабочем состоянии. Я готова. Готова выяснить, насколько сильна кровь предков в моих жилах.

Направляю лодку в узкий проход, ведущий во внутреннюю гавань, – и сразу же понимаю, что тщательно разработанные планы могут пойти прахом.

Меня ждет полиция.

2

За время моего недолгого отсутствия что-то случилось. Большая часть населения Фолклендских островов живет в Стэнли, но это все равно маленький поселок: семь сотен домов и около двух тысяч человек. Три часа назад, когда я выходила в море, склон холма усеивали сотни крошечных, похожих на звезды огоньков от фонарей из тыкв, но теперь все они погасли. К этому часу Стэнли должен был погрузиться в почти полную темноту. Но не погрузился. Я вижу, как вдоль берега едет полицейская машина, а на пристани мигают синие проблесковые маячки.

Прошло три года. Почти день в день с прошлого раза, когда я вошла в гавань, а меня там ждала полиция.

«Произошел несчастный случай. – Три года спустя я все еще отчетливо помню хриплый, дрожащий голос Бена из рации. – Нэда и Кита везут в больницу, больше я ничего не знаю. Езжай туда как можно скорее».

Он сразу же отключил связь, оставив меня воображать худшее. Но я не могла. Не могла себе этого позволить. Я представляла, что им больно. Представляла их маленькие совершенные тела, избитые, изломанные и изрезанные острым, как лезвие, металлом. Весь обратный путь до Стэнли в моей голове звучали их голоса: мальчики плакали и звали маму, не понимая, почему меня нет рядом, когда я нужна им больше всего. Я представляла оторванные руки и ноги, шрамы на милых лицах. Но только не два безжизненных тела, лежащих рядом в морге.

Поддавшись печальным воспоминаниям, я слишком сильно нажимаю на рукоятку дросселя[7 - Дроссель – устройство для изменения расхода рабочей жидкости с целью регулирования скорости.]. Не стоит входить в гавань слишком быстро – здесь есть камни и затонувшие корабли. Заставляю себя сбавить скорость и жду, когда успокоятся дыхание и пульс. Контролировать их труднее, чем дроссель. Как бы то ни было, нужно делать вид, что всё в порядке, что я готова сотрудничать. Моя человеческая оболочка должна продержаться еще немного.

Кто-то ждет на том месте, где я обычно швартую лодку. Это один из вышедших на пенсию рыбаков. Он живет в домике рядом с портом вместе с двумя женщинами, которых большинство людей считают его матерью и сестрой, но уверенности в этом нет. Его зовут Ральф Ларкин, а за глаза – Чокнутый Ральф. Бросая ему кормовой швартов[8 - Швартов – трос, предназначенный для подтягивания и удержания судна у причала или у борта другого судна.], я замечаю, что под штормовкой у него – застиранная полосатая пижама. Штанины заправлены в огромные резиновые сапоги черного цвета, которые обычно носят рыбаки. В этом наряде Ральф похож на пирата. Я спрыгиваю на причал:

– Что происходит?

– Пропал ребенок.

Я пристально смотрю на него, гадая, кто из нас произнесет это вслух.

– Еще один. – Ральф кивком указывает на группу людей у причальной стенки. Я различаю полицейские мундиры и армейский камуфляж. – Ждут вас. Видели

огни вашей лодки.

Еще один ребенок пропал. Когда исчез первый, чуть более двух лет назад, люди убеждали друг друга, что это трагическая случайность. Даже я, барахтавшаяся тогда в пучине своего горя, помню это. После пропажи второго ребенка они сетовали, что нам ужасно не везет. А теперь третий?..

От группы у причальной стенки отделяется один человек и идет ко мне. Это сотрудница полиции, которую никто не воспринимает всерьез – слишком молодая, слишком высокая и, похоже, не может и шагу ступить, чтобы на что-нибудь не наткнуться. Обычно люди говорят, что им нравится констебль Скай Макнир, но причина в том, что они ее жалеют и хотят прослыть добряками. Мне не нужно никому ничего доказывать, и я признаю, что ее неуклюжесть меня раздражает.

Наблюдая, как она идет, ловлю себя на мысли, что впервые вижу ее такой энергичной. Длинные жесткие волосы цвета свежего яблочного мармелада развеваются вокруг головы, а по лицу, в лунном свете бледному, как лист бумаги, видно, что она довольно сильно волнуется. Рядом с ней даже ночь кажется не такой темной.

– Прошу прощения, Кэтрин. – Скай гораздо выше меня. Она нагибается, затем слегка отклоняется назад, словно боясь нависнуть надо мной. – Мне нужно знать, не видели ли вы в море кого-нибудь еще. Любые суда, которые вы не узнали?

Я отвечаю, что не видела. Примерно в одно время со мной порт покинуло несколько больших рыболовецких траулеров, но я все их знаю. Многие жители острова рыбачат по ночам, но они выходят в море на небольших судах и держатся поближе к берегу.

– Извините, это, наверное, очень тяжело… – Скай, похоже, не знает, куда девать руки; теперь она принялась ими размахивать. – Я понимаю, что это очень похоже на…

Три года назад Скай здесь не было. Она училась в Лондоне, в полицейском колледже. Тем не менее она знает, что скоро годовщина того дня, когда моя жизнь утратила всякий смысл.

– Что случилось, Скай? – Смотрю на Ральфа, который гладит Куини. – Это связано с пропажей ребенка?

Я не сказала «еще одного». В этом нет необходимости.

– Туристы. – Она оглядывается на толпу позади нас. – Не с круизного лайнера. Они приехали сами по себе, остановившись в одном из гостевых домов. Днем устроили пикник около Эстансии. Дети играли в траве. Родители потеряли из виду младшего.

Эстансия – ферма милях в двадцати от города, у юго-восточной оконечности длинного и узкого морского залива.

– Ему всего три. – Похоже, Скай готова расплакаться.

Три года. Двое пропавших детей были старше, но ненамного. Оба мальчики. Трехлетний малыш, один в ночи, без родителей, уже несколько часов. Он замерз, голоден, испуган. Дети больше всего боятся, что их бросят, правда? Ночью на островах возникает ощущение, что вас бросил весь мир.

– Его искали?

Лицо Скай слегка дергается – она берет себя в руки:

– Мы там всё прочесывали, весь день. Некоторые снова туда вернулись. Каллум Мюррей, например. Он пошел вместе с военными. Мы ждем известий.

– Это родители?

Я без труда отыскала в толпе мать – пухлую темноволосую женщину под сорок. Она буквально сжалась в комок. Как будто не решается распрямиться, боясь, что может рассыпаться на части. Я знала, что увижу, когда подойду ближе: каким бы ни было ее лицо в прошлом, от него осталась лишь кожа, туго натянутая на кости. И еще мертвые глаза. Она стала похожей на меня.

Отличие только в главном: у нее еще осталась надежда.

– Да, родители. – Похоже, Скай теперь стоит на одной ноге. – Их фамилия Уэст. Все значительно усложняется. Тут еще пассажиры круизного судна, и… мне не хочется никого осуждать, но они не слишком помогают. Они думают, что мы должны обыскать дома местных жителей. И запретить всем судам покидать порт. Можете представить, что скажут рыбаки, если мы объявим, что утром они не смогут выйти в море?

– Сомневаюсь, что они подчинятся.

Власти здесь терпят, но до определенного предела.

– Родители и так с ума сходят. Не хватало им еще выслушивать всякие безумные идеи.

Меня так и подмывает сказать, что это уже не первый пропавший ребенок и в безумных идеях недостатка не будет.

– Все это очень нервирует. – Мы идем к моей машине. Скай продолжает говорить, а я делаю вид, что слушаю. – С девяти часов нам поступило пять вызовов. Старший суперинтендант Стопфорд пытается вернуть туристов на круизный лайнер, но они отказываются подниматься на борт, пока маленький мальчик не будет найден. Похоже, та еще будет ночка…

Пробормотав все, что положено в такой ситуации – пусть обращаются, если потребуется помощь, – я уезжаю. Куини прыгает в машину, и я еду к своему дому на западной стороне полуострова Кейп-Пемброк, крошечному выступу суши между гаванями Стэнли, внешней и внутренней, и самим океаном.

Я не думаю о пропавшем ребенке. Вернее, думаю, но лишь в том смысле, как это отразится на мне. Если судам запретят покидать порт, если их будут обыскивать, прежде чем выпустить из гавани, все мои планы пойдут прахом. Осталось два с половиной дня. А прошло около шести часов. Ребенка должны уже найти.

Дорога домой, которую я выбираю, не самая короткая. В те ночи, когда черный туман в голове сгущается, что-то заставляет меня ехать к дому Гримвудов. Меня тянет сюда только ночью, когда почти нет шансов увидеть кого-то из хозяев. Сегодня я огибаю восточную оконечность естественной гавани Стэнли и еду к

большому дому с переливчатой синей крышей и фасадом, обращенным к востоку, на Сёрф-Бэй. За последним поворотом сбрасываю скорость – и теперь могу рассмотреть беленые стены, черные окна и невысокую зеленую изгородь из можжевельника, в это время года усыпанную желтыми цветками. По обе стороны от низкой деревянной калитки висят тыквенные фонарики, и по замысловатой, аккуратной резьбе я узнаю работу их дедушки. Однажды он вы?резал фонари из тыкв и для моих детей.

В доме кто-то не спит. Я вижу свет в окне второго этажа. Комната Питера. Я никогда не видела Питера, младшего ребенка Гримвудов. Последние два с половиной года он жил только в моем воображении. Я представляю светловолосого мальчика, худого, с овальным лицом – таким же, как два его брата в этом возрасте. Тоже с ярко-синими глазами, унаследованными от матери.

Я не была в доме Рейчел несколько лет – по крайней мере, после рождения Питера, – но знаю его не хуже собственного. Питер проснулся ночью, и она сейчас с ним – обнимает, укачивает. Вдыхает запах его волос, чувствует, как дрожит его маленькое тельце, радуется своей способности осушить его слезы. В этот момент ненависть к ней настолько сильна, что я могу только нажать на педаль газа и ехать дальше.

Да, думаю я, убить Рейчел будет легко.

3

Рывком распахнув входную дверь, я мгновенно чувствую: что-то не так. Атмосфера в доме неуловимо изменилась – в ней появились запахи, отголоски смеха. Едва заметные, но верные признаки. Они опять здесь.

Аккуратно закрываю за собой дверь и оглядываюсь. Ни светящихся в темноте глаз, ни маленьких силуэтов, прячущихся по углам среди густых теней. Ничего. Медленно обойдя большую комнату со старинной мебелью, выглядываю в коридор. Меня охватывает смесь опасения и радостного ожидания. Странное это желание – потребность увидеть мертвых…

Мальчики преследуют меня все три года, прошедшие после их смерти. Что я имею в виду? Точно не знаю. Я ученая и скорее поверю в инопланетян, чем в призраков, но через несколько дней после автомобильной аварии их присутствие в доме стало более реальным, более убедительным, чем присутствие мужа или любого человека из толпы сочувствующих, периодически появлявшегося на пороге.

Реальные люди уходили, а мальчики оставались, появляясь в моей жизни и исчезая если не с регулярностью, то с непреложностью приливов и отливов. Причем в те моменты, когда я меньше всего этого ждала, – тени за шторами, очертания маленьких тел под лоскутными одеялами на кроватях, постельное белье с которых я до сих пор не могу заставить себя снять. Голоса, иногда со смехом замышляющие проказы, но чаще ссорящиеся, смешиваются со звуками телевизора или радио. Или запах. Терпкий яблочный аромат, исходящий от волос Кита на следующий день после мытья. Резкий запах кроссовок Нэда, когда кто-нибудь оставляет открытой тумбу для обуви.

Они не сидят на нижних ступенях лестницы и не свернулись калачиком на диване, глядя в пустой экран телевизора. Это хорошо – мне не нравится, когда они так делают. Я поднимаюсь наверх. Калитка на лестнице – мы так и не убрали ее – заперта. Неужели это я заперла? Зачем?

У меня редко возникает подозрение, что мальчики как-то воздействуют на материальный мир. Возможно, одна из игрушек слегка сдвинулась в сторону. Или на одной из кроватей появилась вмятина. Хотя, конечно, это могла сделать собака…

Куини сидит внизу у кухонной двери и скулит – как всегда, когда приходят мальчики. Я понятия не имею, чувствует ли она их присутствие или просто не любит, когда у меня такое настроение, но их визиты буквально сводят ее с ума. Жаль. Она их тоже любила, но домашние животные не могут чувствовать то же, что и мать. Так мне кажется.

Я уверена, что найду их в спальне Нэда, свернувшихся калачиком и прижавшихся друг к другу, словно пара щенков, но, открыв дверь, вижу лишь большого плюшевого медведя, вытянувшегося на кровати. В комнате Кита тоже никого. Мои движения ускорились. Я уговариваю себя не торопиться, но мной овладевает паника матери, которая не может найти своих детей. Даже мертвых. Моя спальня тоже пуста. По крайней мере, на первый взгляд.

Они прячутся.

Мне это не нравится, но прятки были их любимой игрой еще при жизни, и они до сих пор играют со мной. Я снова обыскиваю дом, на этот раз более тщательно, и грозовая туча в моей голове сгущается. Открываю дверцы гардероба, отдергиваю занавеску в душе, заглядываю под кровать в спальне для гостей. Честно говоря, эта игра меня всегда нервировала, даже когда я знала, что в конечном счете найду два теплых, сильных тела.

Возвращаюсь вниз. Они могут быть только снаружи. Открываю заднюю дверь, и в дом врывается ветер, словно он, притаившись, ждал этой возможности.

На улице их тоже нет. Я чувствую, как они ускользают. Свист ветра перекрывают два звука, исполненные невыразимого горя. Один издает Куини, другой – я.

– Нэд! Кит!

Их нет. Несколькими минутами ранее я нисколько не сомневалась в присутствии мальчиков, но теперь точно знаю: их нет.

Тьма почти полностью заполонила мою голову. Я снова наверху, в маленьком продолжении своей спальни, которое исполняет роль кабинета. Опускаюсь на колени перед письменным столом, нащупываю выдвижной ящик, который всегда держу запертым. Нахожу то, что искала. Я слежу за тем, чтобы он не затупился.

Внизу Куини начинает выть.

* * *

Через некоторое время туман в голове рассеивается. Я с трудом поднимаюсь с ковра и тащусь к офисному стулу. Левая ладонь кровоточит. Наконечник гарпуна возвращается на свое место в ящике стола. У моих ног валяется многократно проткнутая и искромсанная фотография Рейчел.

Наклонившись, я поднимаю обрывки и бросаю в корзину для мусора. У меня есть другие копии снимка – для следующего раза.

Я так измучена, что не могу думать. Нужно принять душ и поспать, но что-то удерживает меня здесь. Поддерживая порезанную ладонь, оглядываю окружающее меня пространство. С тех времен, когда мальчики были живы и здесь жил Бен, остальной дом почти не изменился, но этот маленький кабинет превратился в убежище, где можно дать волю своим чувствам.

На стенах висят фотографии Нэда и Кита. Одни в рамках, другие просто прилеплены к краске с помощью липкого синтетического каучука «Блю Тэк». Они перемежаются со школьными рисунками, похвальными грамотами и даже несколькими детскими вещами, образуя что-то вроде мемориала.

«Господи, Кэтрин, – сказал Бен, когда зашел взять какие-то свои вещи с чердака, – это не кабинет, а святилище!»

Стена за моей спиной отличается от остальных. На ней висят фотографии двух других маленьких детей. Двух мальчиков, темноволосых и черноглазых, исчезновение которых было внезапным и загадочным. Первый, пятилетний Фред Харпер, пропал во время школьного спортивного праздника на Западном Фолкленде чуть больше двух лет назад, когда мое горе еще было острым и кровоточило, словно свежая рана.

Разумеется, я слышала сообщение о пропаже. По радио целыми днями говорили только об этом, а Бен, который входил в состав бригады «Скорой помощи», участвовал в поисках. Когда я увидела статью в «Пингвин ньюс», с большой фотографией пропавшего, мое сердце замерло. Фред был так похож на Кита. Я вырезала статью, сама не зная зачем, спрятала ее, но потом прикрепила к стене вместе с другими материалами, появлявшимися в газете в течение следующих недель.

Может быть, я пыталась проверить, осталось ли во мне что-то человеческое. Если Фреда найдут и я обрадуюсь, это будет признаком, что у меня еще есть надежда. А потом, примерно полтора года назад, на островах пропал еще один маленький мальчик. Семилетнего Джимми Брауна последний раз видели у Сёрф-Бэй, где живет Рейчел. Я довольно хорошо знала семью Браун. Мы дружили с Джеммой, матерью Джимми, младшая сестра которого училась в одном классе с Китом. Бен был знаком с отцом мальчика, лаборантом в больнице.

Когда Джимми пропал и весь город искал его, а родители все глубже погружались в пучину отчаяния, несколько человек говорили, что для меня, по крайней мере, сразу наступила ясность. Я знаю, что случилось с сыновьями, и имела возможность должным образом похоронить и оплакать их – привилегия, которой лишены семьи пропавших.

«Да, благодарю вас, – сказала я одной из таких женщин. – Я понимаю, как мне повезло».

С тех пор она со мной не разговаривает.

Ниже фотографий Фреда и Джимми к стене прикреплена еще одна вырезка. Она не связана с мальчиками, но заставила меня задуматься. Через пару месяцев после исчезновения Джимми, когда поиски еще продолжались, хотя и не такие интенсивные и уже без реальной надежды, главный редактор «Пингвин ньюс» написал о том, как пропажа детей отражается на обществе, особенно маленьком. Он говорил о коллективном чувстве вины, об убеждении, что дети – это общая ответственность и что вред, причиненный одному ребенку, касается каждого.

Статья не имела отношения к моим сыновьям, но все равно стала своего рода утешением. Заставила понять, что смерть мальчиков повлияла не только на нас с Беном и наших близких. Что нашу боль в некоторой, хотя и небольшой, степени разделяют другие люди.

Автор – отец Рейчел, кто бы мог подумать, – рассуждал о том, как в разных культурах относятся к пропаже детей. Он писал, как быстро такие истории становятся частью местного фольклора, появляясь сначала как призраки, а позже как персонажи легенд и сказаний. Именно пропавшие дети, утверждал он, стоят за всеми сказками, в которых малышей крадут феи или пожирают тролли и ведьмы. Мы боремся со стыдом, приписывая причину внешним обстоятельствам. Обвиняя сверхъестественные силы.

Он раскопал старые легенды о детях, попавших в беду здесь, на островах, и связал их с реальными случаями необъяснимых смертей и исчезновений. Через пятьдесят лет, утверждал он, Джимми и Фред попадут в мифологию Фолклендских островов.

Нэд, Кит, Фред и Джимми. Моя маленькая коллекция мертвых мальчиков. Будет ли теперь пятый и станет ли наша коллективная вина еще сильнее?

Я склоняюсь над столом и включаю радио. Сегодня передачи местной радиостанции продолжаются позже обычного. Я узнаю, что пропавшего ребенка зовут Арчи Уэст. Ему три года и два месяца. Чуть больше, чем младшему сыну Рейчел.

Нет, не думай о Рейчел, не сейчас…

– Еще раз напоминаю, – говорит ведущий передачи Билл Криль по прозвищу «Билл из рыбной лавки». – У Арчи светлые курчавые волосы, карие глаза и плотное телосложение. Последний раз его видели в футбольной форме «Арсенала» – красная футболка с белыми рукавами, белые шорты и красные носки. Если вам кажется, что вы что-то видели, немедленно свяжитесь с полицией. Это радиостанция Фолклендских островов, и в ближайшие два часа с вами будет Билл Криль. Сейчас один час и сорок три минуты утра, и я хочу вам напомнить, что завтра утром – а если точнее, то уже сегодня – к нам придет Рэй Грин из Астрономического общества. Он расскажет о солнечном затмении, ожидаемом в четверг: где лучше наблюдать, как уберечь глаза и насколько темно будет на островах.

Я выключаю свет, подхожу к окну и смотрю на запад. В четверг солнечное затмение почти полностью совпадет с началом реализации моего плана. Так далеко на юге мы увидим только маленькую часть, но все равно наш крошечный уголок мира погрузится во тьму между тремя и четырьмя часами дня.

И не только в буквальном смысле.

– Со мной в студии Салли Хоскинс, – говорит Билл, – подруга семьи, которая рассказывала нам о том, какой Арчи непоседливый и любознательный ребенок. Правильно, Салли?

Разумеется, я и не надеялась увидеть поисковый отряд. До них почти двадцать миль, и нас разделяют горы.

– Да, Билл, совершенно верно. Арчи – милый мальчик. Веселый, проказливый. Он любит играть в прятки.

Огней в районе гавани стало меньше. Должно быть, Скай убедила пассажиров круизного лайнера вернуться на борт.

– Именно поэтому родители не сразу подняли тревогу?

– Совершенно верно. Мы подумали, что малыш прячется. Он мог часами играть в эту игру.

Я с трудом различаю гору Тамблдаун. Район поисков находится прямо за ней.

– Мы искали больше двух часов, прежде чем позвонить в полицию. – Голос Салли дрожит. – Родители Арчи попросили меня поблагодарить всех, кто нас поддержал. Здесь потрясающие люди – участвовали в поисках, проверяли свои дома… Я хочу сказать всем: не останавливайтесь. И если вы знаете, где он, пожалуйста, поступите правильно. Пожалуйста, позвольте ему вернуться к родителям.

– Салли, вы не расскажете нам что-нибудь еще об Арчи? – поспешно вмешивается Билл. – Мы знаем, что он любит играть в прятки. А что еще он любит?

– О, знаете, он страстный поклонник «Арсенала». Как и вся семья. У него сейчас такой период, когда он не соглашается надевать ничего, кроме футбольной формы «Арсенала», и бедной мамочке приходится стирать ее по вечерам, чтобы он снова мог надеть ее утром. Он знает все клубные песни, хотя некоторые не слишком подходят для трехлетнего ребенка. Но что поделать…

Я вполуха слушаю, как Салли рассказывает о любви Арчи к поп-музыке. Похоже, он не в состоянии усидеть на месте, когда по радио звучит «Here Comes the Hotstepper»[9 - Песня ямайского исполнителя Айни Камозе.]. И не пропускает ни одной серии «Могучих рейнджеров»[10 - Американский телесериал о супергероях (с 1993 г.).].

– Если Арчи у вас, прошу, не причиняйте ему вреда и не пугайте его, – снова говорит Салли. – Если кто-то забрал Арчи, знайте – все мы хотим его вернуть. Пожалуйста, скажите, где его найти. Пожалуйста, не причиняйте ему вреда.

– Да, да. Спасибо, Салли. Но я должен напомнить слушателям, что полиция исходит из предположения, что Арчи просто ушел слишком далеко от родителей и потерялся. Именно на этом нам нужно сосредоточиться. Маленький мальчик потерялся, и мы должны его найти. Итак, это Билл Криль, и вы слушаете радиостанцию Фолклендских островов.

– Господи, да что вы за люди?! – Салли перекрикивает первые такты следующей песни. – Сколько еще детей должно пропасть, прежде чем вы…

Голос Салли обрывается – ей выключили микрофон. Музыка звучит громче: песня в стиле регги, любимая композиция Арчи. Я представляю, как Салли вежливо, но решительно выпроваживают из задней комнаты редакции местной газеты, откуда ведется передача. Разные культуры, напоминаю я себе. Когда в Англии пропадает ребенок, все сразу впадают в панику, думая о педофилии. Здесь мы надеемся, что малыш не забрел в колонию морских львов.

Три пропавших ребенка за три года. Слишком много, чтобы сваливать вину на морских львов.

Я слышу тихий вздох – Куини решила, что уже можно вернуться. Она прыгает на кровать и забирается в выемку между подушками. Я выключаю радио и включаю компьютер. Дождавшись, пока он загрузится, заполняю рабочий журнал за сегодняшний вечер и щелкаю мышкой по единственному документу, защищенному паролем.

До смерти мальчиков я никогда не вела дневник. Не было потребности, да и времени тоже – муж, двое маленьких детей и работа. Тогда моя жизнь была такой насыщенной, что мне в голову даже не приходила мысль о необходимости ее документировать. Но теперь, когда душа пуста, а жизнь бессмысленна, у меня появилась потребность регулярно записывать все свои действия, мысли и эмоции, словно для того, чтобы напомнить себе, что я все еще существую.

Я начала печатать. Я всегда подробно излагаю случившееся за день. Это помогает описывать свои чувства. Очень похоже на психотерапию – ежедневный выпуск отчаяния и ярости. Если честно, то в основном ярости, причем неизменно направленной на женщину, чья искромсанная фотография лежит у моих ног. На женщину, которая когда-то была моей лучшей подругой.

* * *

Когда мы познакомились с Рейчел, мне исполнилось восемь, а она была на несколько месяцев младше. Я шла по тропинке среди густо поросших травой кочек, такой узкой, что по ней мог протиснуться только ребенок. И вдруг увидела чей-то украшенный рисунком из бабочек зад, обращенный к небу. Вероятно, Рейчел услышала меня, хотя я старалась двигаться очень тихо, потому что она, не поворачиваясь, вскинула вверх грязную руку с обкусанными ногтями. Жест был исполнен такого величия, что я инстинктивно выпрямилась и развернула плечи:

– Что ты делаешь?

Она отползла назад, и я увидела маленькое круглое лицо с огромными синими глазами, молочно-белую, усыпанную веснушками кожу и очень длинные волосы, чуть более темные, чтобы их можно было назвать белокурыми. Брови девочки были приподняты посередине, словно она все время удивлялась, а оттопыренные уши торчали, как у эльфа.

– Драконьи яйца, – свистящим шепотом произнесла она. – Молчи, больше ни слова.

Удивившись, я опустилась на песок и подползла к ней. Она смотрела на два кремово-желтых предмета в форме идеального овала длиной около четырех дюймов. Гнездо папуанского пингвина.

– Они принадлежат Озмаян. – Похоже, она твердо решила изъясняться хриплым шепотом, несмотря на то что в радиусе полумили никого, кроме нас, не было. – Это могучая драконесса. Она родилась тогда, когда разбилось тысячное сердце, а это значит, очень давно, но память драконов не такая, как у нас.

В восемь лет я уже знала, что папуанские пингвины часто гнездятся среди кочек и что мать не покидает гнездо надолго. И понимала, что мы, наверное, мешаем ей вернуться. Нужно было предложить девочке уйти, но – признаюсь – мне было любопытно послушать о драконах.

– Правда? – Я заговорила таким же хриплым, заговорщическим тоном.

Она подползла ближе и прижалась ко мне всем телом. Это движение было совершенно естественным, как у маленького ребенка.

– Да. Драконы знают всё, что было раньше, что происходит теперь и что случится в будущем.

Да, над этим стоило подумать.

– Наверное, нам нужно уходить. Она может вернуться в любую минуту.

– О, она не вернется. Яйца останутся здесь, пока не родятся и не умрут три луны. Потом черные орлы с сапфировыми глазами унесут их и будут охранять, пока не придет время их высиживать. Этот момент может наступить завтра. Или в следующем тысячелетии.

В том возрасте я уже знала почти сорок видов птиц, гнездившихся на Фолклендских островах, но о черных орлах с сапфировыми глазами слышала впервые. Тем временем поднимался ветер, принося с собой привкус соли, и я стала беспокоиться о самке пингвина. Если ее сильно напугать, она может уйти и оставить гнездо.

– Следующее полнолуние через пять дней. – Я всегда следила за поведением луны, даже в детстве. – До этого времени они не прилетят. Если хочешь, я могу вернуться и проверить.

Она села на корточки и с уважением посмотрела на меня. И я вдруг остро позавидовала этим сияющим синим глазам. Это нечестно, когда у одного человека (у меня) глаза тусклые, как грозовые тучи, а у другого (у Рейчел) – ярко-синие, как океан солнечным утром.

– Мы придем сюда вместе, – объявила она. – Теперь мы лучшие подруги.

Я не представляла, как это будет, и даже не знала, что она здесь делает – остров, на котором мы с ней были, принадлежал моим дяде и тете, – но не возражала против того, чтобы иметь лучшую подругу.

– Ладно.

– Это твой дом? – Она вскочила на ноги и теперь указывала на зеленую крышу дома тети Джейни. Я кивнула. В сущности, так оно и было. Я жила здесь летом, пока родители работали.

– У тебя есть мороженое?

Я снова кивнула. Перед моим приездом тетя Джейни всегда делает запасы.

– Тогда пойдем. – Рейчел схватила меня за руку, и мы побежали – она удивительно быстро бегала – по траве, пересекли загон и оказались во дворе дома.

И всё. С этого дня мы стали лучшими подругами, и такой сильной и страстной потребности в другом человеке, как у нас, я, пожалуй, больше никогда в жизни не испытывала. Мы отличались друг от друга буквально во всем. Она видела мир внутри мира, от которого тянулись бесчисленные нити возможностей, яркие, как радуга. Я видела яйца пингвинов. И все же мы были ближе, чем сестры, потому что сознательно выбрали эту связь между нами; ближе, чем любовники, потому что любовники приходят и уходят, а то, что было у нас, – навсегда. Она была моей второй половинкой. Солнце на скалах рядом с укромным тенистым уголком под деревом. Мажорные ноты в минорных аккордах. В ней было все, что отсутствовало во мне, все те качества, которые я так хотела иметь, разве что в ней они были гораздо лучше, и я это знала. Мы с ней были неразлучны, какое бы расстояние нас ни разделяло. Нас связывало прошлое, настоящее и будущее.

До того дня, когда она убила моих сыновей.

* * *

Уже почти четыре утра. Все это время я писала, думала, просто сидела. Долго. Выключаю компьютер и иду к кровати, где лежит Куини, но тут снаружи доносится какой-то шум.

На этот раз я не могу его игнорировать, не могу сделать вид, что это ветер.

Непонятно, как давно я его слышу. Возможно, уже несколько лет, а возможно, лишь последнюю пару месяцев. Но, так или иначе, уже несколько раз поздним

вечером, когда ветер дул в определенном направлении, я слышала какой-то звук, заставлявший думать, что рядом с домом кто-то есть. Мое ухо улавливало движение, не похожее на явления природы, и шарканье, которое могло быть звуком шагов. Несколько раз Куини начинала волноваться и рвалась наружу, но, если я открывала дверь, в нерешительности застывала на пороге. В начале года, когда вечера были темнее, мне иногда – перед тем как задернуть шторы – казалось, что на меня кто-то смотрит из темноты.

На островах не запирают двери, но в какой-то момент я нарушила давнюю традицию, и теперь была этому рада, потому что звук, который доносится снаружи, не оставляет никаких сомнений. Там кто-то есть. Я выхожу из спальни. Куини не просыпается. В моей жизни у нее много ролей, но «сторожевая собака» явно не входит в их число.

Спускаюсь вниз и, не включая света, подхожу к окну.

Территория вокруг моего дома необычна даже по меркам Фолклендских островов. Это памятник, или, если хотите, музей на открытом воздухе, посвященный китобойному промыслу. Гордостью экспозиции, вне всякого сомнения, является череп голубого кита. Почти трехметровый, с раскрытыми челюстями, словно застывшими в момент поглощения пищи, он установлен на лужайке перед домом. Рядом с ним расположился скелет косатки почти в идеальном состоянии. Чуть дальше, у забора, – позвоночник кашалота, пойманного у побережья Южной Георгии. Между ним и домом – косяк дельфиньих скелетов. Бо?льшую часть коллекции собрал мой дед. Оружие тоже принадлежало ему: гарпуны и тросы, массивная гарпунная пушка. Но главную идею музея заложил отец. Он собрал все это вместе, но не для того, чтобы прославить китобойный промысел, а чтобы осудить его. Надпись под гарпунной пушкой гласит: «С 1886 по 1902 г. из этой пушки убили более 20 000 китов». Отец стыдился ущерба, который его предки нанесли морям. И всю свою жизнь пытался его возместить.

Несколько секунд назад я услышала звонкий лязг, словно на землю упало несколько кусков металла. Это коллекция наконечников гарпунов рядом с изгородью из можжевельника.

Скелет косатки заслоняет чью-то тень. Подойдя к двери, я вижу большую темную фигуру. Узнаю ее очертания, и у меня замедляется пульс. Сердце снова начинает биться быстрее, но уже совсем по другой причине. Я смотрю, как

мужчина в моем саду ставит на место наконечники, затем отпираю и распахиваю дверь.

– Не поздновато выпрашивать сладости? – Слова слетают с губ раньше, чем я успеваю обдумать их уместность.

Каллум Мюррей ставит последний наконечник на место и поворачивается ко мне:

– Увидел, что у тебя свет горит… Мне показалось, что в саду кто-то есть. Хотел убедиться, что ты в порядке.

Я не отвечаю. Какой смысл? В порядке я уже никогда не буду. Потом до нас доносится лошадиное ржание. Чего, конечно, быть не может, потому что здесь никто не держит лошадей.

– Похоже, кто-то крадет твою лошадь. – Надеюсь, что это шутка. Никогда не видела Каллума верхом. Даже сомневаюсь, что на островах найдется достаточно крупная лошадь, чтобы выдержать его вес.

– Я пришел пешком. – Он подходит к изгороди и смотрит на дорогу. Вероятно, лошади не видно, потому что Каллум быстро теряет к ней интерес и возвращается к дому. – Ты в порядке?

Каллум Мюррей не местный. Он шотландец, воевал за острова в звании второго лейтенанта парашютного полка. Уволившись из армии вскоре после победы англичан, купил домик в двух милях от Стэнли. На вопрос, поселился ли он тут навсегда, неизменно отвечал, что еще не принял окончательного решения.

– Нашли ребенка? – спрашиваю я. Скорее по обязанности, чем потому, что мне действительно интересно.

В его глазах отражается свет из окна наверху. Днем эти глаза выглядят необычно – результат генетической особенности под названием «гетерохромия радужной оболочки» – правый синий, а левый зеленый. Но при лунном свете это всего лишь слабые блики света.

– Через четыре часа мы возобновляем поиски.

Ветер доносит до нас далекий звук. Приближается вертолет.

– Скорее всего, с ним всё в порядке. – Я пытаюсь делать вид, что мне не все равно. – Бродил, пока не устал, а потом прилег где-нибудь и заснул. Утром вы его найдете.

– Хотелось бы надеяться, черт возьми… Страсти начинают накаляться. Это главная причина, почему мы снова выходим – чтобы успокоить людей.

Зачем он это делает? Почему стоит здесь глубокой ночью и делает вид, что мне хоть немного интересно все, что происходит вокруг? Мне нужно вернуться в дом и закрыть дверь. Запереть.

– Скай что-то говорила о проблемах с пассажирами круизного судна.

Взгляд Каллума на мгновение перемещается на небо, затем снова возвращается ко мне.

– Это еще мелочи. Вечером сюда прилетели родители Фреда Харпера. Устроили Стопфорду настоящий скандал, обвиняя в том, что два года назад мы слишком рано сдались.

– Ничего не поделаешь. Фермеры постоянно теряют овец. Животные застревают в торфе и тонут. Или срываются со скал, и их смывает прилив. Лошади и телята падают в реки. Если они достаточно маленькие, их уносит течение. Время от времени гибнут люди. Ужасно жаль, но ничего не поделаешь. Это не национальный парк. – Я не хотела, чтобы мой тон звучал покровительственно, однако с Каллумом это непросто.

Вертолет «Си кинг» завис прямо над нами, как стрекоза над прудом. Сухой торфяной запах холмов словно прилип к куртке Каллума. Я вспоминаю – как и всякий раз, когда он рядом, – о его росте.

– Та штука прямо над нами тоже участвует в поисках? Потому что, если с нее что-нибудь свалится, нам небезопасно здесь стоять.

Стоять так близко к Каллуму вообще небезопасно.

– Они ждали, пока мы прервем поиски. Давай не будем ему мешать.

Убедившись, что мы – не трехлетний мальчик, «Си кинг» летит дальше. Мы с Каллумом снова одни.

– Мне нужно немного поспать. – Я поворачиваюсь, вхожу в дом и запираю дверь. И только оставшись одна, прислоняюсь к ближайшей стене и позволяю себе расслабиться. Ушел ли он? Зачем приходил?

Наверху Куини продолжает храпеть. Я выключаю свет и подкрадываюсь к окну. Каллум отворачивается, как будто ждал, пока у меня погаснет свет. Затем пересекает сад и перешагивает через низкий штакетник.

Отсюда до его дома четыре мили, если идти обычной дорогой. Но, судя по всему, Каллум выбрал другой путь.

Примерно год назад я засиделась допоздна и случайно увидела, что он идет мимо. И, повинуясь импульсу, который мне не хочется объяснять, последовала за ним. Увидела, как он свернул с дороги, подошел к высокому забору из колючей проволоки, отвел в сторону три витка и проскользнул внутрь, на минное поле.

Минное поле?

На островах есть несколько минных полей, в основном на побережье – их оставила аргентинская армия во время вторжения. По самым скромным оценкам, в торфе и песке спрятано около тринадцати тысяч готовых взорваться зарядов. Нам говорят, что когда-нибудь мины обезвредят. А пока, с учетом того, что минные поля занимают лишь 16 процентов неиспользованных земель, их просто огородили.

Я подождала, пока Каллум исчезнет во тьме, а затем подошла к ограждению. Три витка колючей проволоки, которые он отодвинул, были разрезаны. Каллум согнул маленькие крючки, чтобы возвращать их на место. Он проделал собственный тайный проход на поле, которое и через десять лет после конфликта изобиловало смертельно опасными ловушками. Каждый шаг по этому

полю мог стать последним.

Теперь я смотрю из окна на пустую дорогу у дома и гадаю, идет ли он снова туда, на минное поле, чтобы выяснить, не собирается ли судьба положить всему этому конец прямо сейчас, этой ночью.

И понимаю, что у меня проблемы.

Забираюсь в кровать, которая кажется необычно большой и пустой, даже несмотря на то, что лучшее место на ней занимает собака. Для меня ночь – самое тяжелое время суток, когда не остается ничего, кроме как думать о том, что я потеряла. Сон всегда приходит не скоро.

Иногда, в состоянии между сном и явью, я чувствую, как мальчики забираются в постель и ложатся рядом. Когда это происходит, я лежу неподвижно, погружаясь в их присутствие, наслаждаясь прикосновениями их гладкой кожи, вдыхая запах их волос, чувствуя, как их маленькие руки обнимают меня. Наутро после таких снов я просыпаюсь в облаке неподдельного счастья, неожиданного и обескураживающего. Так не похожего на почти невыносимую тоску, которая приходит ему на смену.

Не приходите сегодня, мальчики. Я не уверена, что у меня остались на это силы. Дайте мне покой, хотя бы раз.

4

– Кто-нибудь слышал губернатора по первому каналу радио? – спрашивает Брайан, когда я появляюсь на работе, которую всегда считала семейным бизнесом.

У дедушки Гроба было несколько дочерей, каждая из которых получилась по-своему такой же упорной и кровожадной, как он. И один сын, ставший самым большим разочарованием в его жизни. Мой отец основал благотворительный траст «Сохранение Фолклендов», цель которого состоит в сохранении дикой природы островов для будущих поколений. Честно говоря, я не думаю, что это

был личный вызов дедушке, но мистер Гроб-старший всегда воспринимал поступок сына именно так.

Брайан – орнитолог, и отец нанял его лет двадцать назад. Ему уже под шестьдесят, но он по-прежнему карабкается вверх-вниз по скалам, разыскивая гнезда и окольцовывая птенцов, хотя для этого занятия ему неплохо бы сбросить лет десять возраста и килограммов двадцать жира. Когда-нибудь его остывшее изуродованное тело найдут у подножья утеса. Если кому-то и суждено умереть на работе, так это Брайану.

Его объемистая задница, как всегда, расплылась по моему столу. Я уже клялась себе, что однажды приду пораньше и намажу крышку стола суперклеем.

– Вряд ли ему есть что добавить. – Сьюзен на кухне гремит кофейными кружками.

– Корпоративная пропаганда, – замечает Пит, наш студент в академическом отпуске. – Никому и в голову не приходит никакое другое объяснение, кроме того, что ребенок просто заблудился.

– А что еще могло произойти? – Брайан ерзает на столе. – Это же очевидно.

Шеф прочищает горло. Джон Уилкок – маленький крепкий мужчина с темными волосами, землистым лицом и тонкими черными усиками, которые он носит последние два десятка лет. Мы с ним считаем себя дальними родственниками – возможно, через браки, заключенные пару поколений назад, – но выяснить точную степень родства так и не удосужились.

– Кэт, наши планы изменились. – Джон редко дает себе труд пожелать мне доброго утра, что меня вполне устраивает – не люблю светских разговоров. – Твоя группа хочет присоединиться к поискам. Я сказал, что ты отвезешь их туда. Будешь руководить.

Изначальный план состоял в том, что я буду сопровождать группу туристов в экскурсии на Джордж и Баррен, два маленьких острова с богатой природой, у южного берега Восточного Фолкленда. Двух обитателей островов из числа людей, тетю Джейни и ее мужа Митчелла, тоже можно считать туристическими достопримечательностями. Джейни – единственная из моих знакомых, кому

удалось вырастить птенца пингвина. Она нашла Эшли, когда та пыталась согреться на углях костра, а последние пятнадцать лет потратила на то, чтобы научить птицу сидеть и просить еду, а также съезжать на животе с крыши сарая для стрижки овец и таскать кусочки рыбы из карманов.

– Люди хотят помочь. – По выражению моего лица Сьюзен видит, что я не в восторге от этой идеи. – Им неловко развлекаться, когда ребенок там один.

– Будем надеяться, что один, – вставляет Пит.

– Умеешь ты успокоить, Пит. – Еще нет половины девятого утра, а Джон уже нервничает. – Не вставай, Брайан, у нас действительно нет времени.

– Если эти люди хотят отказаться от экскурсии, мы должны их сопровождать.

Я беру телефон и сообщаю тете Джейни, что сегодня утром выпечка не потребуется. В ее ответе я насчитываю четыре ругательства, что не слишком много по ее меркам.

– Я уже достала этот проклятый костюм ведьмы с чердака.

– Как будто кто-то заметит разницу… Кроме того, Хэллоуин был вчера. – Я прерываю ее ворчание, отключив телефон.

– Ты должна встретиться с ними у полицейского участка. – Сьюзен обожает указывать, что мне делать. – В девять все руководители групп поиска получают указания уполномоченного офицера полиции.

Наконец задница приходит в движение, и вот уже Брайан стоит перед моим столом и почесывает части тела, о которых я предпочитаю не думать.

– Мне предложить туристам вернуть деньги? – Я говорю это только для того, чтобы позлить Джона.

– Нет, черт возьми. Это была их идея, а не моя.

* * *

Ветер колышет нашу коллекцию флагов и остатки украшений к Хэллоуину. Спокойствия прошедшей ночи как не бывало. По дороге к полицейскому участку я обгоняю людей, идущих туда же. Вижу и лица, знакомые с детства, и совсем чужие. Замечаю самодельные плакаты на заборах и, сбросив скорость, успеваю разглядеть, что это увеличенные фотографии двух мальчиков, пропавших ранее. «Все еще не найденных», как написано на плакатах. Арчи не удостоится такого внимания.

Пластиковый скелет, сорванный ветром, катится по дороге перед машиной. Это вряд ли можно считать добрым знаком.

Рядом с полицейским участком осталось всего одно свободное место.

– Кэтрин!

Повернувшись на голос, вижу высокую фигуру в плаще с хлопающими полами и красном развевающемся шарфе, которая быстро приближается. Рука в красной перчатке энергично машет, призывая подождать, и я чувствую, как сердце мое замирает. Это один из немногих людей, от которых не получилось отделаться за последние три года. Один из немногих, кто не отступит.

– Я с тобой, ладно, дорогуша? – Мел тяжело дышит. – Эти сапоги стоят целое состояние, и я не собираюсь топить их в торфяном болоте. Плевать, сколько там потерявшихся детей, – я ни на шаг не отступлю от того, кто знает, что делает.

Мела по праву считают одним первых франтов острова, и он тратит кучу денег, выписывая одежду из столиц Европы и Южной Америки. Я смотрю на его новые, безукоризненно чистые резиновые сапоги.

– Они розовые.

Он шутливо хлопает меня по плечу:

– Знаю. В наше время можно купить даже розовые «Хантеры». О чем еще мечтать девушке?

Я часто думаю: если меня что-то и рассмешит, то это будут слова Мела. Мел нисколько не похож на девушку – сто девяносто сантиметров роста, девяносто килограммов веса и необыкновенно большой, как мне говорили, пенис. Он даже не трансвестит. Его одежда, всегда безупречного покроя и очень яркая, явно сшита для мужчины.

Он шеф-повар таверны «Глоуб» здесь, в Стэнли. Два вечера в неделю Мел покидает свою кухню и возглавляет любителей попеть под аккомпанемент фортепиано. После семи вечера в таверну не протолкнуться – в буквальном смысле.

– Дорогуша, я поплетусь рядом с твоей машиной, а ты будешь внутри. – Он с наслаждением выговаривает слово «поплетусь», перекатывая его во рту, словно пахучую мяту. – Только поторопись. А то этот ужасный ветер сдует со шлюхи все ее шмотки. – Он прислоняется к дверце машины в позе проститутки, ожидающей клиентов.

Толпа людей на парковке увеличилась; руководит всем, похоже, констебль Скай. Она была еще бледнее, чем обычно. Волосы у нее спутались, и мне даже кажется, что она спала прямо в мундире. Я помню ее ребенком. Всегда грязную, с разбитыми коленками, в рваной одежде – девочку с мороженым в волосах или пятнами от шоколада на рубашке. Подходя к двери, слышу, как она пытается убедить толпу разбиться на группы по десять человек, выбрать лидера и убедиться, что у них есть транспорт.

Мое внимание привлекает гомон звонких голосов, и, повернувшись, я вижу компанию школьников. Сердце замирает – прямо там, в первом ряду, идет Кристофер Гримвуд, лучший друга Нэда.

Он вырос. Сильно вытянулся за то время, что я его не видела. Теперь его голова, наверное, достает мне до плеча. Лицо тоже изменилось, почти утратив детскую округлость. Подбородок удлинился, на носу появилась заметная горбинка. Боль накатывает неудержимой волной.

В моем сознании – и в сердце – Нэду по-прежнему восемь. В этом возрасте я его потеряла. У него такие же круглые колени и пухлые руки, а детский жирок вокруг шеи образует двойной подбородок. А теперь в Кристофере, неуклюжем долговязом мальчике, который вот-вот навсегда расстанется с детством, я вижу

Нэда, каким он был бы сегодня. На гладкой коже могли появиться первые признаки прыщей, и он стал бы похож на моржа с болячками на голове. Он доставал бы меня, переполненный тестостероном, сущий дьявол, делал бы мою жизнь почти невыносимой – и от тоски по нему я готова расплакаться.

Разумеется, я сдерживаюсь. У меня было три года, чтобы научиться делать вид, что всё в порядке. В полицейском участке я нахожу свое имя в списке, висящем над столом, и меня направляют в комнату для совещаний.

* * *

Наша группа состоит из десяти человек. Трое из них в военной форме, а двое в полицейских мундирах, причем один из них – главный полицейский начальник на острове.

Это высокий мужчина, движения которого точны и скупы. Для меня он навсегда Стопфорд, Боб, старший суперинтендант, потому что именно так он представляется при знакомстве. Этот человек, прочитавший несколько книг и посмотревший несколько документальных фильмов, ухитряется убедить самого себя и часть окружающих, что он умнее, чем кажется.

Кофе из кувшина на столе наливает старший преподаватель школы, мужчина по имени Саймон Сэвидж, который стал кем-то вроде героя в том, что полушутя называют «фолклендским Сопротивлением». В самом начале аргентинской оккупации, когда жители островов ждали прибытия британских сил специального назначения, Саймон с помощью запрещенного оккупантами радиопередатчика связался с военными и информировал их о передвижениях аргентинцев на суше. Он был старшим преподавателем и в то время, когда я училась в школе. Такое впечатление, что эту должность Саймон занимал всегда. Его сын Джон – главный детектив на островах.

Свободных мест нет, но я слышу звук скребущих по полу ножек стула и вижу бывшего мужа, который встает со своего места. С тех пор как мы виделись в последний раз, в его волосах прибавилось седины и он похудел.

– Садись сюда, Кэтрин. – Он держит спинку стула, готовый придвинуть его к столу, когда я сяду. Бен всегда очень внимателен ко мне – и на публике, и

наедине. Откровенно говоря, мне это не очень нравится, поскольку выглядит покровительственно, но возражения могут быть восприняты так, словно я злюсь на него и жалею о разводе. Бен не виноват, что наш брак распался. Это вина Рейчел.

И, наверное, моя, если быть честной.

Поэтому я сажусь и делаю вид, что не замечаю, как его руки остаются на спинке стула. Напротив нас начальник пожарной службы разговаривает с Робертом Дунканом, владельцем местной радиостанции и еженедельной газеты «Пингвин ньюс».

Ему чуть за семьдесят, но его энергии позавидует и пятидесятилетний. Высокий и худой как жердь. Густые белые волосы, окружающие его голову, похожи на гриву старого льва. У него седые усы и седая козлиная бородка.

Его тоже считают одной из главных фигур Сопротивления: он продолжал радиовещание, когда прибыли аргентинские солдаты, демонстративно транслируя патриотические песни. Альбом «Лондон вызывает» группы «Клэш» звучал по радио, когда аргентинский командир вел свой взвод к зданию радиостанции. Входная дверь разлетелась под аргентинскими сапогами под «Секс пистолс», поющих «Боже, храни королеву». Роб не выключал трансляцию все время, пока спорил с южноамериканскими солдатами, которые пришли закрывать радиостанцию. Время его не смягчило. Сомневаюсь, что на островах найдется человек, которого бы больше ругали или любили, чем Роба Дункана. Кроме того, он – отец Рейчел.

Затем мне приходит в голову, что здесь может появиться и сама Рейчел. Это будет слишком. Я не могу находиться с ней в одной комнате. Уже собираюсь встать, как вдруг вижу два глаза разного цвета, смотрящие на меня из угла. Каллум не спал. Его песочные волосы неплохо бы вымыть, а по смеси каштановых, рыжих и светлых волосков в бороде я вычисляю, что он не брился около тридцати шести часов. У меня такое чувство, что, если я уйду, он последует за мной. И Бен тоже.

Дверь закрывается, и слово берет Стопфорд, Боб, старший суперинтендант. Слева от него стоит майор Вутон, офицер по связям с гражданскими службами. Мы будем свидетелями уже ставшего привычным соперничества: Стопфорд

будет претендовать на власть, а Вутон – на компетентность.

– Максимальное расстояние, на которое ребенок в таком возрасте может удалиться за восемнадцать часов, мы оцениваем в десять миль. – Стопфорд делает шаг в сторону, и я вижу на стене за его спиной большую карту Восточного Фолкленда. Кто-то нарисовал на ней красную окружность с центром в точке на ферме Эстансия, где в последний раз видели пропавшего. Больший сектор этой окружности захватывает океан.

– Майор Вутон возьмет взвод и начнет вот отсюда, – Стопфорд указывает в центр окружности. – Его люди будут двигаться к периметру. Остальные начнут снаружи – разумеется, учитывая пляжи – и будут продвигаться внутрь.

– Мы исключаем возможность, что он ушел не сам? – Каллум по-прежнему остается в углу комнаты. – Судя по тому, что говорила мне Скай, в этом районе были другие машины.

– Все они местные. – Стопфорд не смотрит на Каллума. – Мы опросили всех, кто имеет к этому отношение. Мальчика никто не видел.

Старший суперинтендант объясняет, что для завершения поисков потребуется от четырех до пяти часов.

– А что тут делают школьники? – вновь подает голос Каллум. – Зачем нужно, чтобы вокруг бегали взбудораженные дети? В конце концов потеряется еще один.

– Боже упаси. Дети будут прочесывать пляжи. Только старшие. Одиннадцать лет и старше. – Стопфорд кивком указывает на меня. – Ими будет руководить Брайан, коллега Кэтрин. Они все время будут под присмотром кого-то из взрослых. Многие матери также согласились прийти.

Вот где будет Рейчел. На берегу, присматривать за Кристофером. Я вдвойне рада, что к поискам не привлекают младших детей. Хватит мне и того, что я видела Кристофера. Увидеть Майкла, которому теперь восемь – столько же, сколько было Нэду и было бы Киту, – это слишком.

– Бен? – Стопфорд смотрит прямо на моего бывшего мужа. – Хотите что-то добавить?

– У нас есть дежурная машина «Скорой помощи», и миссис Уэст, мама Арчи, будет при ней, так чтобы мы всегда знали, где она. – Бен прочищает горло, затем продолжает: – Когда мы его найдем, он будет замерзшим и голодным. Его нужно согреть, дать немного воды, но не кормить. Если он ранен, не пытайтесь его перемещать. Просто оставайтесь с ним и дождитесь меня или кого-нибудь из моих коллег. Вот так.

– Хорошо. – Стопфорд хлопает в ладоши: – За дело.

Когда все выходят, оптимистичная картина, нарисованная Стопфордом, выглядит такой хлипкой, что может рассеяться даже от слабого ветерка. Все это уже было. Дважды. Люди рассаживаются по внедорожникам, лошадям и квадроциклам, чтобы обследовать местность, убеждая себя, что быстро найдут мальчика. Что ничего особенного не случилось.

– Можно поехать с тобой, Кэтрин? – Бен нагоняет меня, когда я иду к выходу. Я не могу придумать убедительной причины для отказа, хотя очень хорошо знаю, что он ничего не делает просто так.

Мы выстраиваемся колонной. В моей группе только туристы, кроме Мела, Бена и меня, но выглядят они физически крепкими и одеты соответственно: в туристических ботинках и непромокаемых плащах. В данный момент меня больше всего беспокоит парень за рулем арендованного автомобиля, который едет прямо за мной, – дорога скоро закончится.

Вести машину по пересеченной местности нелегко. Даже люди, прожившие здесь всю жизнь, застревают при попытке переправиться через реку, преодолеть каменную россыпь или подняться на крутой склон. Если придется останавливаться и вытягивать его из ловушки, то не было смысла отказываться от поездки к пингвинам. Я уже проинструктировала парня: не слишком приближаться ко мне, чтобы иметь возможность резко ускоряться и тормозить, повторяя мои действия, глубокие овраги преодолевать по диагонали, не держать ногу на сцеплении и при необходимости использовать блокировку дифференциала[11 - Дифференциал – механизм передачи мощности вращением. В первую очередь это необходимо при поворотах.]. Он также должен следить за

резким изменением цвета растительности, что обычно указывает на топкий грунт. Парень кивал и выглядел скорее взволнованным, чем раздраженным, и я посчитала это хорошим знаком.

На границе Стэнли мы проезжаем мимо машины «Скорой помощи», и я замечаю мать Арчи, которая собирается сесть на пассажирское сиденье. Она поворачивает голову и смотрит, как мы проезжаем мимо.

– Мне говорили, что вы руководите группой медиков, – обращается к Бену одна из женщин. – Разве вы не должны быть со «Скорой помощью»?

– Пока ребенка не нашли, для «Скорой помощи» нет работы. – На лице Бена, обращенном к женщине, профессиональная улыбка. Он всегда умел обращаться с пациентами, а его смуглое лицо по-прежнему внушает доверие большинству людей. – До тех пор от меня больше пользы в поисковой команде.

Гости острова поражены, как быстро исчезли какие-либо признаки цивилизации. Несколько сотен человек, живущих за пределами Стэнли, разбросаны по территории размером с Уэльс, и большая часть этой территории состоит из маленьких островов. Покидая Стэнли, вы попадаете в пустынную, почти первозданную местность – без дорог, почти без деревьев или кустарников, где присутствие человека практически незаметно. Редкие поселения за пределами Стэнли – это отдельно стоящие жилые дома в окружении хозяйственных построек и брошенной, ржавеющей техники.

В нескольких милях от города колонна разделяется. Часть машин продолжает двадцатимильное путешествие к Эстансии. Мы же, следуя полученным указаниям, съезжаем с дороги и направляемся на запад. Машина тут же начинает подпрыгивать и раскачиваться.

– Черт, это как пытаться трахнуть кого-то в девятибалльный шторм. – Сидящий рядом со мной Мел вцепляется в пассажирское сиденье.

Сзади гробовое молчание. В зеркале заднего вида я ловлю взгляд Бена. Он криво улыбается. Мы оба уже слышали эту шутку.

– Зачем здесь так много солдат? – Голос с явным валлийским акцентом принадлежит одной из женщин.

– На Фолклендских остовах размещен постоянный гарнизон численностью две тысячи человек, – объясняет сидящий рядом мужчина. – Примерно один солдат на одного жителя. На тот невероятный случай, если аргентинцы вернутся.

Какое-то время все молчат. Во время войны я училась на последнем курсе университета. Бен работал в британских больницах. Мел наблюдал все это, находясь в относительной безопасности на «Норланде» – гражданском судне, которое перевозило в район конфликта парашютный полк. Никто из нас не считает себя вправе рассказывать о том, какими были семьдесят четыре дня оккупации для жителей острова. Кроме того, островитяне – в лучших традициях телесериала «Башни Фолти»[12 - Сериал, выходивший в Англии в 1975–1979 годах. Был внесен Институтом кино в список «100 величайших телепрограмм страны».] – не любят вспоминать о войне. Возможно, мы считаем, что уже обсудили всё, что хотели. Неважно, по какой причине, но мы просто об этом не говорим.

– На то, чтобы вы чувствовали себя в безопасности, тратится много британских налогов, – замечает один из мужчин.

– А вы когда-нибудь просыпались утром, чтобы увидеть, как по главной улице вашего города идет армия захватчиков, дорогуша? – Мел, конечно, не местный, но такого терпеть не станет. – А под домашним арестом были? Комендантский час соблюдали? Вас не запирали вместе с пятьюдесятью другими людьми в местном клубе, где всего один действующий туалет?

– Что вы хотите сказать?

– Я хочу сказать, мой милый, что «добрые аргентинцы», которые считают эти острова своими, находятся в трехстах милях отсюда. А до Британии восемь тысяч миль, и у нынешнего премьер-министра нет железных яиц, как у Маргарет Тэтчер. – Мел не отводит взгляд.

– В таком случае, если у вас на одного гражданского приходится один военный, как могло случиться, что пропадает уже третий ребенок?

– Держитесь крепче.

Я направляю машину в овраг. Сзади кто-то охает, Мел чертыхается вполголоса, но мы выбираемся наверх по противоположному склону и продолжаем путь. Каллум, машина которого едет перед нами, исчезает в глубокой впадине, и в воздух взлетает пара потревоженных птиц.

– Патагонские казарки, – говорю я, потому что люди из моей группы заплатили деньги и должны получить что-то взамен. – Самец чисто белый, и его легко заметить. У самки характерные черно-белые полосы на грудке. Обычно они гнездятся на берегу, но в этой впадине пресноводный пруд… Почти приехали – держитесь покрепче.

Выбравшись из впадины, я останавливаю машину. Спрыгиваю на землю и чувствую под ногами голый камень, но затем мы двигаемся на запад, и почва становится болотистой. Каллум со своей группой едет дальше.

Я не раз бывала в этой местности. Пробиралась через болото по каменным россыпям между пучков травы. И каждый раз я кого-то ищу, обычно гораздо меньшего размера, умеющего гораздо лучше маскироваться и избегать хищников, чем человеческий детеныш. Если мальчик здесь, он станет легкой добычей. Я оглядываюсь в поисках цветового пятна, выделяющегося на общем фоне, движения, которое не спишешь на ветер, или едва слышимого шороха, свидетельствующего о панике.

Я веду свою группу по родной земле, дикой и открытой ветрам, и думаю о матери, мимо которой мы проезжали. Когда Нэду было пятнадцать месяцев, я потеряла его на несколько минут. Мы были на пляже. Я пошла к воде, чтобы посмотреть, нет ли там нефтяного пятна, и оставила Нэда выше береговой линии, среди дюн. Оглянувшись, я увидела, что он исчез.

Невозможно описать ужас, который я тогда испытала, – это было самое худшее, что случалось со мной в жизни. Я полностью утратила способность думать и логически рассуждать. Вернулась на то место, где оставила сына, долго звала его, потом побежала в заросли и нашла его там. Он полз за птенцом баклана, наблюдая, как тот прыгает в траве.

– Кэтрин, ты в порядке? – Бен подошел ко мне и смотрит с явным беспокойством. Я вся взмокла, несмотря на ветер, и слишком часто дышу. Киваю, но еще до конца не освободилась от печальных воспоминаний. Потому что происшествие в

дюнах не было худшим происшествием в жизни, вовсе нет. Худшее пришло потом, когда я в открытом море услышала голос мужа из рации на лодке:

«Произошел несчастный случай. Машина Рейчел свалилась со скалы рядом с домом. Она оставила Нэда и Кита одних в машине. Бог знает почему. Наверное, ручник был неисправен. Или кто-то из мальчиков дернул за него. Никто не знает. Их везут в больницу. Возвращайся как можно скорее».

Когда я немного пришла в себя и способность размышлять вернулась, я поняла, что, когда Бен связался со мной, он уже знал, что мальчики мертвы. А как иначе? Он был там, рядом с домом, когда их вытаскивали из воды. Оба умерли мгновенно, а Бен – врач и понимает, когда человек мертв. Просто он не осмелился сказать мне. Побоялся того, что я могу натворить, получив эту ужасную весть, – в открытом море, в двух часах хода от берега. Подумал, что в отчаянии я могу совершить что-то страшное, погублю и свою жизнь, а этим рисковать он не хотел. Ведь я была на седьмом месяце беременности…

– Что ты делаешь в четверг? С тобой кто-то будет?

– Не беспокойся. – Я упрямо смотрю вперед. Нельзя допустить, чтобы Бен заподозрил, что на четверг у меня есть какие-то планы. И особенно, что я собираюсь убить свою бывшую лучшую подругу. – Прошло три года. Жизнь продолжается.

– Я продолжаю жить. – Лица Бена я не вижу, но знаю, что он близко. Его голос звучит совсем тихо и слышен только мне. – Я нашел способ справиться с этим. Ты – нет, любимая.

Я не останавливаюсь, но слышу долгий, печальный вздох:

– Ты мне все еще не безразлична, Кэтрин.

– Я слышал, морские слоны могут быть агрессивными. – Слава богу, нас догнал Мел. – Если парень на них наткнулся, шансов у него никаких, да? Или на морских львов.

– Возможно. – Я оглядываюсь, чтобы убедиться, что остальные нас не слышат. – Но если ребенок пошел в эту сторону, беспокоиться не о чем. Так далеко от берега они заходят крайне редко.

– А птицы? Они могут напасть на трехлетнего малыша?

Приходится признать, что такое возможно. Известно, что поморники нападают на людей. В период гнездования местные жители и туристы приближаются к местам их обитания только с большой палкой в руке.

– Если честно, это зависит от того, насколько они голодны, но в это время года еды здесь хватает. – Я пытаюсь ободряюще улыбнуться. Мел – милый парень, и нет смысла его расстраивать. – Вероятно, нам не нужно волноваться, что его насмерть заклевали птицы.

– Всё в порядке, Кэтрин? – Это голос Каллума по радио. Я вижу его вдали, потому что он находится чуть выше нас, и вдруг понимаю, что моя группа почти остановилась. Поднимаю руку, демонстрируя, что у нас всё в порядке. Он отворачивается, не ответив мне, и его группа продолжает движение. Я следую его примеру.

– Хочу у тебя кое-что спросить, дорогуша. Как ты думаешь, я зря трачу время? – У Мела на плече висит свернутая веревка, похожая на лассо ковбоя.

– Пытаясь не запачкать сапоги? Почти наверняка.

– С лейтенантом Мюрреем. – Мел преувеличенно вздыхает прямо мне в ухо. – С этим большим, роскошным, рыжим парнем. Я приехал на этот богом забытый обломок скалы только ради него.

Это кажется неправдоподобным, но Мел и Каллум познакомились на борту «Норланда», когда Мел был старшим стюардом. По словам Каллума, среди солдат преобладали гомофобные настроения, и поначалу они были враждебно настроены к Мелу, но его добродушие, профессионализм и блестящая игра на пианино покорили всех. К тому времени, когда они прибыли сюда, он практически превратился в талисман полка.

– По правде говоря, я думаю, что ты не в его вкусе, приятель. – Напряженный голос Бена заставляет даже Мела остановиться и умолкнуть.

– Перед нами болото, – сообщаю я группе. – Шириной метров тридцать, так что дальше двигаемся гуськом.

Одна из женщин нервно смотрит на густую поросль папоротника и бледной травы, на темную землю под ними.

– Что, если он провалился в болото? – спрашивает она. – Он может быть прямо на дне. А мы пройдем мимо.

– Мы еще не добрались до того места, где он пропал, – говорю я. – Маловероятно, что он ушел так далеко.

– Но это уже третий пропавший ребенок. Должно быть, у вас возникают вопросы?

Я не пытаюсь скрыть вздох, но меня опережает Бен:

– Представьте, что ребенок пропадает на острове Барри, и у нас нет оснований предполагать, что произошло что-то более ужасное, чем падение в море.

Она слушает, польщенная его вниманием.

– Через год на острове Рил пропадает другой ребенок, – продолжает Бен. – Не обязательно связывать эти два исчезновения. Просто похожие расстояния и временные интервалы. Затем проходит еще год, и пропадает еще один ребенок, чуть младше первых двух, но вы же надеетесь его найти. Вы ведь не будете кричать о серийных убийцах и педофилах – вот и мы этого не делаем.

Похоже, женщина удовлетворена ответом. По крайней мере, на какое-то время она умолкает. Разумеется, Бен изложил наиболее благоприятный сценарий, при котором ребенка скоро найдут, а единственными последствиями приключения будут волчий аппетит и несколько синяков. Но это не объясняет, почему вчерашние поиски закончились неудачей.

Радио снова оживает. Я прошу тишины, и все подходят ближе. Группа Каллума на некотором удалении от нас тоже собирается вокруг него. Сердце начинает биться чуть быстрее. Женщина из моей группы подает голос, но ее тут же просят замолчать. Каллум снова поворачивается в мою сторону. Я смотрю на него, думая о том, насколько легче это делать, когда нас разделяет такое расстояние и нет опасности встретиться с ним взглядом. Потом я вижу, что Бен наблюдает за мной.

По радио сообщают о мухах и большом количестве личинок.

– О боже, – говорит дама из Уэльса. – Они его нашли.

5

Дама из Уэльса поторопилась сделать очевидный, но неверный вывод. Я качаю головой, посылая свое, личное, сообщение мужчине на склоне холма.

– Это не может быть Арчи. – Я передаю рацию Мелу и повышаю голос, обращаясь к группе: – Личинки могут вылупиться через двадцать четыре часа, но для этого должно быть теплее, чем ночью на Фолклендах, даже в конце весны. Арчи должен был умереть до того, как пропал. Но даже в этом случае…

Мел хлопает меня по плечу и одобрительно выставляет большие пальцы вверх.

– Мертвая овца, – говорит он. – Я попросил доставить ее в «Глоуб», вечером приготовлю на ужин.

* * *

Мы его не находим. К двум часам дня местность прочесана дважды. Его здесь нет.

В полицейском участке нас кормят, и все набрасываются на еду. Мел буквально прилип к Каллуму. Я держусь в стороне, намереваясь уйти. Через несколько

минут руководителей групп собирают в отдельной комнате.

– Речь о ночных дежурствах, – сообщает Стопфорд. – По радио об этом говорят все утро. Призывают людей ночевать на открытом воздухе. Разводить костры. Вероятно, чтобы дать парню какой-то ориентир. Конечно, это несусветная глупость. Скорее они выжгут половину той местности, и я не понимаю, как это ему поможет.

– Думаю, почва слишком влажная и пожара не будет, – говорит Бен. – Все эти призывы понятны. Никто не хочет, чтобы ребенок провел ночь в одиночестве, в дикой местности. Если половина острова будет ночевать на открытом воздухе, он ведь не будет один, правда?

– Полагаю, надо рассмотреть возможность, что он мог покинуть остров.

Все поворачиваются на голос – это майор Вутон. В комнате повисает тишина.

– И куда же он направился? – спрашиваю я, но мой вопрос – всего лишь способ подчеркнуть очевидное. – До аргентинской Огненной Земли триста миль, до Южной Георгии почти тысяча, в противоположном направлении. В таком случае куда? Скажем, в Антарктиду, если у вас есть несколько свободных недель…

– Очевидно, на один из соседних островов. – Вутон поворачивается ко мне.

– Ну, это сужает круг.

Вутон выжидающе смотрит.

– Не хотелось бы огорчать вас, но их больше семисот.

Каллум прочищает горло:

– Думаю, майор Вутон ведет к тому, что мальчик, похоже, покинул этот район не один. И давайте признаем – в том, что касается пропавших детей, у наших островов уже есть печальная история.

Молчание. Упрямое, если уж на то пошло, но все задумались. Нас мало. Все мы друг друга знаем. Если перенестись на сто лет назад, то выяснится, что половина жителей – родственники. Единственные преступления на островах – неправильная парковка, редкие подростковые кражи из магазинов и довольно регулярные, но по большей части безобидные попойки по выходным. В нашу тюрьму отправляют пьяных. Мысль о том, что кто-то мог похитить Арчи Уэста, просто чудовищна.

– Нужно закрыть порты, – говорит Вутон. Как будто их тут несколько десятков… – Никто не должен покидать острова.

Это просто паника. Изображать твердость и решительность вовсе ни к чему – покинуть острова все равно никто не сможет. Следующий авиарейс только завтра, даже если б кто-то сумел тайно провести трехлетнего ребенка на борт самолета.

– А что насчет круизного лайнера? – спрашивает Бен. – Он отплывает в четверг.

Я бормочу извинения и выхожу на улицу, захватив по пути пару маленьких сосисок. На парковке выпускаю Куини из машины и скармливаю ей сосиски. Она облизывает мою руку до тех пор, пока на ней не остается ничего, кроме собачьей слюны.

Сзади раздаются шаги. Мне не обязательно оглядываться, чтобы понять, кто вышел вслед за мной.

– Похоже, пора подумать о невероятном, – говорит Каллум.

– Никто из жителей островов не причинит вреда ребенку. Это может быть только кто-то из туристов.

Каллум качает головой:

– Туристы могут иметь желание, но не возможность. Тому, кто не знаком с островами, некуда везти ребенка. Он не знает, где его прятать.

Я молчу.

– Семнадцать месяцев назад, когда в Сёрф-Бэй пропал Джимми Браун, этих туристов здесь не было. И двадцать семь месяцев назад, когда в Порт-Ховарде пропал Фред Харпер.

Верьте Каллуму, сообщающему факты.

– Никто его не похищал. – Я поворачиваюсь в ту сторону, где находится ферма. – Он где-то там. Упал в реку, и его смыло в море, или утонул в болоте и по какой-то причине еще не всплыл. Лучший способ его найти – очистить местность от домашнего скота и поручить армии еще раз проверить ее на тепловое излучение. Теперь мы ищем тело, и, как это ни печально, придется взглянуть фактам в лицо.

Мы пристально смотрим друг на друга.

– Круизное судно обыщут сегодня после обеда, – говорит Каллум после нескольких секунд молчания. – Стопфорд не соглашался, но мы его уговорили. Вутон предоставит в его распоряжение всех, кто не занят на охране базы. Осмотрят также рыбацкие лодки. Собственная частная армия позволит нам к концу дня исключить всех туристов.

Если сегодня обыщут лодки, то завтра все мы будем вне подозрений. Вернем себе свободу передвижения. А этот разговор не имеет смысла. Мне следует просто сесть в машину и уехать.

– Разве дело не в родителях? – спрашиваю я. – Возможно, Стопфорду нужно поговорить с семьей Уэстов, хотя разговор будет долгим и тяжелым.

Каллум криво улыбается, и его взгляд становится сочувственным. Затем он отворачивается и идет к участку. Он думает, что я, как и все остальные островитяне, просто отказываюсь признать, что кто-то из наших знакомых может быть плохим человеком. Что среди нас есть монстр.

* * *

Ближе к вечеру я прихожу к выводу, что мне нужно кое-что купить, беру Куини и отправляюсь на короткую прогулку по городу. Я знаю, что скоро в школе

заканчиваются уроки, и это знание заставляет идти быстрее обычного и не поднимать взгляд. Мне слишком тяжело видеть выбегающих из школьных ворот детей, и я не хочу, чтобы их матери пытались выказывать мне сочувствие. Но не заметить «Лендкрузер» Каллума невозможно. Наверное, это единственная на островах машина светло-голубого цвета – как незабудки.

Я понимаю, что он, скорее всего, в закусочной Боб-Кэт, и даже думаю, что могла бы… нет, конечно, я этого не сделаю… а потом вижу его. Каллум сидит у стойки, прямо напротив окна. Он еще не был дома. На нем та же одежда, что и утром. Он не один.

Рядом с ним ребенок, лет двух. Не знакомый мне мальчик прислонился к Каллуму, положив ноги на колени женщины, сидящей рядом за стойкой. На женщине светлые джинсы, заправленные в сапоги для верховой езды, и синий, под цвет глаз, свитер. Рейчел.

Кто-то проходит мимо по тротуару. Кажется, это Чокнутый Ральф, но я не отрываю взгляда от окна закусочной. Так близко я не видела Рейчел уже три года. В таком маленьком городе, как наш, было бы невозможно совсем не встречаться с ней, но в те редкие разы, когда видела ее, я старалась не попадаться ей на глаза. Однако стоит ей теперь повернуться, и она меня увидит. Они оба увидят.

Я не в силах сдвинуться с места. Мои ноги словно приросли к земле.

Она потрясающе выглядит. Волосы длиннее, чем я помню. Возможно, чуть-чуть поправилась, но это ей идет. И она смеется. Смотрит на Каллума, и они оба смеются, а ребенок висит между ними. Они похожи на семью.

Боюсь, меня сейчас стошнит. Рот наполняется слюной. Я поворачиваюсь и тащу Куини за собой по улице.

* * *

Вечером у меня едва хватает сил поесть и вымыть посуду. Сплю я всегда плохо, и чтобы дойти до состояния полного изнеможения, мне нужно совсем немного. Поиски Арчи возобновились после обеда. Полицию и военных направили

осматривать все суда на островах, а гражданское население и туристы были предоставлены самим себе. Я пошла на работу, где включенное радио и постоянный поток посетителей держали нас в курсе событий – никакого прогресса.

Осталось меньше двух дней. Около сорока часов. Завтра я напишу письмо, оставлю инструкции, чтобы позаботились о Куини.

«Я продолжаю жить. – Всю вторую половину дня у меня в голове звучит голос Бена. – Я нашел способ справиться с этим».

Бен справился с потерей сыновей, которых любил не меньше меня, – нашел другую женщину, заменил утраченную семью новой. Могла бы я поступить так же? Может, стоило попытаться?

Теперь уже слишком поздно.

Когда день подходит к концу, ветер усиливается, и скелеты в саду начинают потрескивать и стонать. Какое-то время Куини мечется между парадной и задней дверью, лает на призраков, скрывающихся во тьме. Она всегда нервничает, чувствуя мое настроение. В доме достаточно тепло, и огонь можно не разжигать, но мне хочется комфорта, а Куини обожает лежать, свернувшись в клубок, на горячем коврике перед камином. Я наливаю бокал красного вина и устраиваюсь в большом кресле. Обычно по вечерам я не работаю – читаю или смотрю кино. У нас на островах нет своего телевидения. Все телевизионные программы любезно предоставляются Службой радиовещания Британских вооруженных сил, исходя из их вероятной популярности среди солдат. Но у нас есть видеотека с впечатляющей коллекцией фильмов, и большинство жителей с удовольствием пользуются ею.

Только не сегодня. Если я выберу романтическую комедию, лица главных героев непременно превратятся в лица Каллума и Рейчел. Загадочное убийство? Угадайте, кого я буду представлять на месте трупа… Тиканье часов кажется неестественно громким. Ребенок пропал почти тридцать часов назад, и у меня возникает ощущение, что острова чего-то ждут.

* * *

От громкого звука Куини вскакивает. Это не вежливый стук ближайшего соседа. Кто-то настойчиво требует, чтобы его впустили. Сердце готово выскочить из груди. Не помогает и яростный лай Куини.

Вот он, Каллум Мюррей, прямо у меня на пороге, претендует на мое внимание лично, а не только в виде навязчивых мыслей внутри моей головы. И у него хватает такта выглядеть смущенным.

– Извини, я знаю, что уже поздно, но мне кажется, кто-то должен обыскать затонувшие корабли. Нужно начать с «Эндевора», это наиболее вероятное место, затем «Саннингем».

Я вспоминаю сегодняшний день, сцену в кафе, и мне хочется его ударить. Но потом пришлось бы объясняться, а это сложно и долго.

– О чем ты?

– Я думал, куда его могли бы увезти. – Каллум делает шаг назад, словно не хочет давить. – Люди проверили свои сараи, амбары и хлева. В очевидных местах его нет. Он там, где никому не придет в голову его искать.

– Он на дне болота. Всплывет через несколько дней, когда тело раздуется от газов. – Я понимаю, что это звучит бессердечно, но в последний раз я видела этого человека, когда он улыбался женщине, убившей моих детей.

– «Эндевор», – повторяет Каллум. – Ты меня слушаешь, Кэтрин?

«Эндевор» – судно снабжения антарктических экспедиций, которое теперь лежит на дне недалеко от Фицроя. Вернемся мы только к утру.

– Он не может быть на затонувшем корабле.

– Спроси себя, где бы ты спрятала трехлетнего ребенка. Там, где его никто не нашел бы, откуда невозможно сбежать и где никто не станет его искать.

Наш разговор происходит словно с задержкой во времени. Каллум говорит, но мне требуется секунда-другая, чтобы осмыслить услышанное.

– «Эндевор» всего в часе от того места, где пропал мальчик. Большая его часть выступает над водой, но судно достаточно далеко от берега, чтобы до него можно было добраться на лодке или вплавь.

– Ты говоришь, что кто-то схватил ребенка, притащил на берег, посадил в лодку, гребную или моторную, привез на «Эндевор» и запер в рулевой рубке?

– Или на «Саннингем», хотя «Эндевор» более вероятен, потому что в этом случае не нужно проходить вблизи Стэнли. Хочешь сказать, это невозможно?

Хочу. Хотя…

– Ты говорил об этом со Стопфордом?

– Он все еще занят в порту, с круизным судном.

Я в курсе действий полиции. Мою лодку уже обыскивали. Констебль, заходивший к нам в офис, чтобы взять ключи, сообщил, что ни одному судну, независимо от того, принадлежит ли оно местным жителям или туристам, не разрешено покидать порт, пока не найдут Арчи. Я крайне заинтересована, чтобы ребенка нашли как можно быстрее.

Примирившись с неизбежным, нахожу куртку и ключи.

– Можешь сесть за руль, – говорю Каллуму, когда мы с Куини идем к его машине. – Я пьяна.

Он запрыгивает в машину и заводит двигатель.

– Да, представляю, каково теперь Арчи Уэсту… Не говоря уже о его родителях.

Ответить на это нечего, и мы молча едем в порт.

В городе оживленнее, чем обычно бывает в этот час, – улицы заполнены людьми с бутылками пива в руке. У нас на островах немного злоупотребляют алкоголем. Шум, скандалы, случаи мелкого вандализма. Честно говоря, молодым людям

здесь больше нечем заняться по вечерам, кроме как сидеть в барах, однако обычно все бывает если и не добродушно, то достаточно безобидно. Но не сегодня. Мне не нравится агрессия, которую я могу разглядеть в этих группах. Мне не нравится, как люди умолкают и смотрят на нас, когда мы проезжаем мимо.

Мы информируем дежурного констебля, который соглашается доложить суперинтенданту Стопфорду о наших планах. Лодку быстро осматривают во второй раз, и мы направляемся к проливу.

По ночам любой порт немного похож на сказку. Даже меня не оставляет равнодушной красота цветных огней, танцующих на поверхности воды, и игривый плеск волн, бьющихся о корпуса кораблей. Но сегодня над лесом мачт чувствуется напряжение, похожее на чаек, парящих в воздушных потоках. Подозрение, родившееся после того, как ребенка не нашли, распространяется со скоростью инфекции.

Мы поворачиваем на юг, огибая мыс Пемброк[13 - Самая восточная точка Фолклендских островов.], и на нас обрушивается антарктический ветер. Куини бросает на меня укоризненный взгляд и, как обычно, то ли бежит, то ли падает в носовую рубку. Я вдруг понимаю, что впервые за несколько лет мы с Каллумом остались одни, по-настоящему одни. Я жду, когда он что-нибудь скажет, как-то прокомментирует поиски или планы полиции и военных. Но Каллум молчит, и когда я поворачиваюсь, то вижу, что он сидит на боковой скамье, уперевшись локтями в колени и опустив голову.

Волнение усиливается. Всё против нас – и ветер, и прилив. Так что добираться до полузатопленного судна придется дольше, чем обычно. Высота волн достигает пяти или даже шести футов. Они обрушиваются на нос лодки; капли воды камешками скатываются по корпусу, стекают со стекол рулевой рубки. Каллум не шевелится.

– Тебе нехорошо. Лучше выйди на палубу.

– Всё в порядке. У меня не бывает морской болезни.

Не знаю, в чем причина, но ему не по себе. Лицо нездоровое, серо-зеленого цвета, как волны, перехлестывающие через борт лодки. Почувствовав мой

взгляд, он поднимает голову:

– Я знаю, ты не хочешь этого слышать, но на островах живет убийца.

Сердце начинает биться быстрее. Спина покрывается мурашками, не имеющими отношения к ветру и холоду.

– Это не Глазго, Данди или Лондон. – Я изо всех сил стараюсь говорить непринужденно, словно полушутя. – Нас тут всего пара тысяч. Каковы шансы, что один из жителей – психопат?

Его взгляд становится жестким:

– Я, конечно, не специалист, но мне кажется, что больше, чем шансы на исчезновение трех мальчиков в возрасте от трех до семи лет за три года.

Похоже, это подходящий момент сосредоточиться на штурвале.

– Я был в Порт-Ховарде, когда исчез Фред. Стопфорд тоже. Я умолял его обыскать все лодки в порту, но он отказался. Сказал, что владельцы сами их проверят, и если мальчик прячется в одной из них, его найдут, не прибегая к дезорганизующим и неприятным поискам.

Я не отвечаю. Нет смысла. Ему еще есть что сказать:

– Подумай об этом, Кэт. У нас два главных события года – школьный спортивный праздник и Зимний Заплыв. Повсюду бродят толпы народу. Дети убегают от родителей. Подумай, разве это не самое подходящее время для педофила?

Я качаю головой. Он просто не понимает. Не в состоянии понять, что здесь такого просто не может быть.

Каллум повышает голос, обрушивающийся на меня холодной волной:

– Господи, Кэтрин, что с тобой случилось?

Теперь я смотрю на него. И совсем забываю о лодке. Уж от него-то…

– Извини. Глупость сморозил. – Он встает и проводит ладонью по лицу. – Черт знает, сколько времени не спал…

Я снова поворачиваюсь к штурвалу.

– Арчи пропал не во время праздника. Он просто был на пикнике с родителями.

– Может, преступник меняет привычки? Он мог несколько дней следить за Арчи и его родителями.

– Он?

Каллум стоит прямо за моей спиной. Я вижу его отражение в стекле рулевой рубки, и там он не такой высокий, каким я привыкла его представлять. Ноги широко расставлены, чтобы удерживать равновесие при качке.

– Педофилы и детоубийцы обычно мужчины.

Если лодка резко задерет нос, он упадет прямо на меня.

– Когда Фред пропал, несколько подростков говорили, что видели маленького мальчика, который направлялся к пляжу. Они пошли за ним, но там его не было. Значит, он не добрался до берега. Когда исчез Джимми, несколько человек сообщили, что, кажется, видели его рядом с припаркованными машинами.

– Насколько я помню, ни один из них не был в этом уверен.

– Почему ты думаешь, что все они пропали около воды?

Отступать он не собирается.

– Если здесь кто-то хочет причинить вред ребенку, велика вероятность, что это произойдет на воде.

– Думаю, у него лодка. Должно быть, он каким-то образом заманивает детей к себе на лодку, а потом… – Каллум поднимает руки и широко разводит их. – Здесь очень много мест, куда можно отвезти ребенка.

– Почему ты мне это рассказываешь?

– Потому что женщине, которую я знал, не все равно.

Я больше не могу смотреть даже на его отражение. У женщины, которую он знал, было два сына, и их нужно было защищать. Конечно, будь Нэд и Кит живы, я волновалась бы, что на свободе бродит убийца. Но теперь мне настолько все равно, что я даже не принимаю слова Каллума всерьез. Он прав. Что со мной произошло?

* * *

Каллум возвращается на скамью, а я перевожу взгляд на море. Через какое-то время, когда мы еще не добрались до «Эндевора», он трогает меня за плечо. Я вздрагиваю. Каллум смотрит через иллюминатор рулевой рубки в сторону берега. На пляже и за ним, на несколько миль вглубь от берега, горят небольшие костры. Они усеивают местность, словно светлячки. Я сбрасываю скорость.

Несколько минут мы стоим рядом, бросив лодку на милость волн, и смотрим на оранжевые маяки, разбросанные по склону холма. Затем Каллум расстегивает куртку.

– Я встану за штурвал. – Он занимает мое место. – Тебе нужно кое на что взглянуть.

Мы снова плывем, быстрее, чем я бы решилась при таких волнах. Я беру сложенные листы бумаги, которые протягивает мне Каллум, и сажусь на боковую скамью. Она все еще хранит тепло его тела. Он дал мне три листа формата А4. Таблица, список имен.

– Что это? – Большинство этих людей мне знакомы. Тут есть Роб Дункан, отец Рейчел. Саймон Сэвидж. Мой коллега Брайан. Губернатор.

Каллум сдвигает рукоятку дросселя еще дальше, и лодка ускоряет ход.

– Эти люди были на школьном спортивном празднике на Западном Фолкленде, когда пропал Фред, и в Сёрф-Бэй, когда потерялся Джимми.

Я просматриваю вторую страницу, затем третью.

– Всего семьдесят пять человек.

– На самом деле больше. Я исключил тех, кому меньше шестнадцати лет, а также дам.

Волна с силой обрушивается на нос лодки, и я удивленно вскидываю бровь. Каллум делает вид, что не понимает намек.

– А те, кто выделен жирным шрифтом?

– Мужчины в возрасте от шестнадцати до семидесяти пяти. Физически крепкие. Сорок один главный подозреваемый.

– Среди них Мел. Думаешь, если он гей, то должен приставать к детям?

– Я там тоже есть. И губернатор, будь он проклят. Звездочкой отмечены владельцы лодок, но, честно говоря, доступ к лодкам есть почти у всех.

– Как ты составил этот список?

– Начал с тех, кого смог вспомнить сам, потом занялся спортивными командами. Составы команд установить нетрудно. Спрашивал других, кого они запомнили. Немного помогла Скай Макнир. Неофициально.

– Боб Стопфорд видел?

Каллум сердито дергает головой, и лодка делает рывок вперед.

– Конечно, черт бы его побрал. Беда в том, что он не слушает. Я чужак и не понимаю, как тут все устроено. Сужу о том, что случилось, по меркам трущоб Глазго. Он так прямо и сказал.

Плыть с такой скоростью опасно – большая волна может захлестнуть рулевую рубку.

– А что ты хочешь от Стопфорда?

– Пройтись по списку и выяснить, где каждый из этих людей был в то время, когда исчез Арчи. Если кто-то не сможет дать удовлетворительное объяснение, нужно обыскать его дом. Но Стопфорд этого не сделает, потому что тогда ему придется признать, что я прав.

– Почему это так важно? – Я встаю и жестом показываю, что готова встать к штурвалу. – Я не говорю, что ты прав, но если все действительно так, почему это станет такой проблемой для Стопфорда?

Мы снова меняемся местами. Каллум прячет список в карман, но не садится. Он стоит позади, держась для равновесия за потолочную балку.

– Разве ему не хотелось бы раскрыть крупное дело? – Я сдвигаю рукоятку дросселя назад. Совсем чуть-чуть, но Каллум это замечает. От него ничего не скроешь.

– Дело не только в нем, разве ты не видишь? Губернатор, Законодательное собрание, Министерство иностранных дел и, черт возьми, вероятно, всё британское правительство – все они заинтересованы, чтобы вы тут сидели тише воды ниже травы. Если из-за вас снова начнутся неприятности, если вы привлечете к себе внимание какой-нибудь скандальной историей, тогда точка зрения, что на вас не стоит тратить силы и средства, получит широкую общественную поддержку, и ей будет трудно противостоять.

– Хочешь сказать, что мы не можем позволить себе серийного убийцу?

Он качает головой, словно удивляется моей наивности.

– Только серийного убийцы Фолклендам и не хватало.

Я снова двигаю рукоятку дросселя, и лодка набирает скорость.

* * *

На южном берегу Восточного Фолкленда есть длинный узкий залив под названием Порт-Плезант, а у входа в него расположен остров Плезант. Вскоре он темным пятном проявляется на горизонте. «Эндевор» лежит в узкой полоске воды между маленьким и большим островами. Крупные корабли редко заходят сюда, потому что темная металлическая туша почти скрыта водой и риск налететь на нее очень велик. Бурной ночью ее можно принять за волну, пока не подойдешь практически вплотную.

Приближаясь к затонувшему судну, я слежу за глубиной. Осадка моей лодки мелкая, но теперь время отлива, а на этом участке побережья дно усеяно камнями. Я уже вижу «Эндевор». Он лежит на дне океана. Его трюм и нижние каюты затоплены, но судно довольно высокое, и рулевая рубка торчит из воды.

Примерно в двадцати метрах от него я останавливаюсь и бросаю якорь. Скрежет механизма будит собаку, а Каллум тяжело вздыхает и проводит ладонями по лицу. Последние двадцать минут он не произнес ни слова.

– Дальше на шлюпке. Надеюсь, ты готов промокнуть.

Пока я проверяю якорь, надеваю непромокаемый плащ и успокаиваю Куини, Каллум снимает шлюпку с крыши рулевой рубки. Я протягиваю ему спасательный жилет, хватаю походный мешок, и мы спускаемся в шлюпку. У нее есть двигатель, но Каллум качает головой, и я не запускаю его. Он берет весла, и мы бесшумно скользим по воде.

С поверхности моря затонувшее судно выглядит настоящей громадиной. Оно поднимается прямо перед нами, черное и мертвое. Шестьдесят или семьдесят лет назад люди, которым оно служило верой и правдой, бросили его. И я не в первый раз задаю себе вопрос, страдают ли корабли, когда их срок жизни подходит к концу.

Волны раскачивают корпус. Приблизившись, мы видим, как «Эндевор» слегка подпрыгивает – печальная имитация былого движения.

Время от времени я ныряю к затонувшим судам, но удовольствия от этого не испытываю. Их укромные уголки привлекают некоторых морских обитателей. Место корабля над, а не под водой. Обломки кораблекрушений рассказывают об утраченных надеждах, о потерянных жизнях, о мечтах, не переживших шторм.

Это была бы ужасная тюрьма. Мне трудно представить большую жестокость по отношению к ребенку. С другой стороны, если он здесь, в заточении, значит, он все еще жив.

– Как нам попасть на борт?

Мы приближаемся со стороны носа, и я не могу отделаться от ощущения, что старый корабль наблюдает за нами. Что там есть что-то разумное, что наше присутствие нежелательно. Может, Каллум даже не подозревает, насколько он прав. На мгновение мне даже становится спокойнее, что он рядом: эти шесть с половиной футов мышц. Но потом я вспоминаю, что меня бы здесь не было, если б он не втянул меня в эту авантюру. Палуба высоко, футах в двенадцати над нами. Я не понимаю, как на нее взобраться.

– На корме есть трап. С правого борта.

Правый борт обращен к морю. Каллум налегает на весла, и мы перемещаемся в глубокую тень, где корпус закрывает луну.

– Жди здесь. – Каллум укладывает весла в шлюпку и встает.

– Ты собираешься подняться туда один?

Он протягивает руки, и я вижу, что они дрожат.

– Мы не знаем, что там. – Каллум дергает трап, проверяя его прочность. – Если что-то случится или я не вернусь через десять минут, возвращайся на лодку и вызывай помощь.

Я понимаю, что он и вправду рассчитывает найти что-то на этом судне. Его молчание по дороге сюда. Нездоровый, зеленоватый цвет лица. Дрожащие руки. Он напуган.

С удивительной для его габаритов быстротой и ловкостью Каллум поднимается по трапу и исчезает из виду, а я остаюсь в океане одна.

6

Я прислушиваюсь, пытаясь уловить звук шагов и голос маленького ребенка, но слышу только удары волн о корпус корабля да завывание ветра в соседних холмах. Хочется встать и взобраться на палубу вслед за Каллумом или отчалить и вернуться на свою лодку. Я не хочу сидеть здесь, привязанная к мертвому судну.

Сколько уже прошло времени?

Я напрягаю слух, но ветер слишком сильный, а вода раскачивает железный корпус, словно пытается поднять корабль из могилы на океанском дне. Каллум словно растворился в ночи.

Сколько нужно времени, чтобы осмотреть «Эндевор»? Рулевая рубка торчит над водой, но почти разрушилась под воздействием природных стихий. Перед рубкой должна быть каюта, и это наиболее вероятное место для тюрьмы. Все остальное находится внизу и должно быть затоплено. Там особо нечего обыскивать, и я уже должна была что-нибудь услышать.

Стоящая на якоре лодка покачивается на волнах. Мне кажется, что я вижу блестящие глаза Куини на палубе у самого борта.

Его нет слишком долго. Я роюсь в походном мешке и нахожу то, что нужно. Затем сую дедов револьвер в карман и поворачиваюсь к трапу. Я хочу лишь подняться наверх и посмотреть. Медленно ставлю ноги на перекладины, пока голова не оказывается над бортом.

На палубе всё в непрерывном движении. Вода перехлестывает через борт и стекает назад в море. Облака над головой похожи на дрейфующие тени. Я ищу движение, не связанное с водой, темноту, которая не пуста. Каллума нигде не видно. Большая волна заваливает «Эндевор» набок, и я едва не срываюсь с трапа. Похоже, на борту безопаснее.

Поднявшись на палубу, я останавливаюсь. Железо под моими ногами покрыто слоем мокрого ила, шершавого от многочисленных моллюсков. Повсюду водоросли: одни растрепаны ветром, другие растут как им вздумается. Судно затонуло посреди водорослевого поля, и растения пытаются завладеть им. Ветер подхватывает мои волосы и обматывает вокруг головы. Я достаю из кармана дедушкин револьвер, надеясь, что рука не слишком сильно дрожит. У меня небольшой опыт обращения с оружием. Шлепая по илу, приближаюсь к рулевой рубке, и сырая тьма словно подступает со всех сторон.

Запах мерзкий. Пахнет так, словно здесь разлагаются трупы давно умерших животных, которые вот-вот пожрут какие-то ужасные существа, выползшие из воды.

Дверь в рулевую рубку отсутствует, но внутри непроницаемая тьма. Я подхожу ближе, и в темноте проступают очертания высокой фигуры. Я вздрагиваю и поворачиваюсь, готовая спасаться бегством, хотя понимаю, что это может быть только Каллум. Он стоит, выпрямившись, совершенно неподвижно. Я вижу, как поднимаются и опускаются его плечи. Голова не двигается, а взгляд прикован к чему-то, что находится прямо перед ним. К чему-то, чего я не вижу. Вряд ли это испуганный маленький мальчик, потому что тогда Каллум уже давно нагнулся бы, взял его на руки и понес к шлюпке, победоносно улыбаясь, как и всякий раз, когда он…

Я протягиваю руку и кладу ладонь на его левое плечо. Он резко поворачивается и с такой силой сбрасывает ее, что я роняю револьвер и пячусь назад. Это меня и спасает. Это – или водоросли на палубе, на которых он поскальзывается и падает на колени. Иначе его вытянутые руки сомкнулись бы на моем горле. Каллум мгновенно вскакивает на ноги, но я ухитрилась не потерять равновесия, и у меня преимущество в доли секунды.

Выскакиваю из рулевой рубки и бегу к борту, но у самого трапа Каллум меня догоняет. Я падаю навзничь на палубу. Он на мне. Придавленная его весом, я не в силах пошевелиться. Сильные пальцы сжимают мое горло. Протянув руку, я

нащупываю что-то твердое. Вывернув локоть, бью его по голове. Застонав, он скатывается с меня. Я бросаюсь вперед, поворачиваюсь, и наши взгляды встречаются.

Кровь капает из раны на его виске.

– Что ты делаешь? – Вместо того чтобы бежать, пока есть возможность, я начинаю всхлипывать, как ребенок. – Каллум! Это я. Какого черта ты делаешь?

Одна его рука дотрагивается до кровоточащей головы. Вторая упирается в палубу, помогая удерживать равновесие.

– Господи, что я наделал?

Несколько секунд мы сидим на корточках в метре друг от друга и смотрим друг другу в глаза. Затем я встаю и поспешно пячусь назад. Увидев револьвер на палубе рядом с рулевой рубкой, бросаюсь к нему.

– Нет, не входи в… Черт, эта штука заряжена?

Я оборачиваюсь:

– Заряжена. В прошлом году одним выстрелом в голову она прикончила выброшенную на берег косатку. Думаю, твой мозг меньше.

– Не буду спорить.

– А теперь поговори со мной. Ты знаешь, кто я?

Он встает, но очень медленно, чтобы не испугать меня. Или не дать предлог нажать на спусковой крючок.

– Кэтрин Куинн, урожденная Гроб. Тебе тридцать четыре года. Ты живешь на утесе над Стэнли, в доме с самым жутким садом из всех, что мне приходилось видеть.

Он ждет. По моему лицу видит, что этого недостаточно, и продолжает:

– Я Каллум Мюррей, бывший второй лейтенант парашютного полка, уроженец Дункана в Шотландии. Губернатора Фолклендских островов зовут сэр Брэдли Роуз, а премьер-министра Великобритании – Джон Мейджор. Мне продолжать?

– Нет. Ты в порядке?

– В порядке.

Движением головы я указываю на рубку у себя за спиной:

– Что там? Что оно с тобой сделало и почему ты не хочешь, чтобы я это видела?

Его лицо застывает.

– Нужно вызвать Стопфорда. Давай вернемся в лодку и свяжемся с ним по рации.

– Что там?

Каллум качает головой:

– Стопфорд.

Чтобы войти в рулевую рубку, нужно повернуться спиной к Каллуму, но, похоже, бояться теперь нужно не его. Поэтому я поворачиваюсь и перешагиваю через порог. Внутри кромешная тьма, если не считать тонкого луча фонаря, который выронил Каллум. Вонь здесь еще сильнее, и мне кажется, что меня окружают какие-то ползучие полусгнившие существа, обитатели ночных кошмаров. На память приходят стихи, которые так любила Рейчел и которые она часто цитировала. Она думала, они мне нравятся, потому что я всегда любила море. Мне они не нравились, я их просто ненавидела, но теперь очень хорошо помню.

И мнится, море стало гнить, —

О Боже, быть беде!

Ползли, росли, сплетясь в клубки,

Слипались в комья слизняки

На слизистой воде.

Я наклоняюсь, поднимаю фонарь, сую револьвер в карман. Каллум заходит в рубку вслед за мной.

– Носовая кладовая. По левому борту. Если ты уверена.

Я совсем не уверена. Но поворачиваю фонарь и вижу детскую ногу. Она словно дрожит в тонком луче света, как изображение в старом кинофильме. Мир накреняется, и я не понимаю, то ли в «Эндевор» ударила большая волна, то ли я едва не лишилась чувств.

Подхожу ближе… три, четыре шага… и провожу лучом фонаря по всему телу ребенка, от головы до обутых в кеды ног.

– Джимми, – говорю я.

Это не труп Арчи Уэста. Из брезента торчит кость лодыжки. Зашнурованная обувь съежилась. Этого не могло произойти с Арчи за один день. Кроме того, эти останки слишком велики и не могут принадлежать трехлетнему или даже пятилетнему ребенку. Арчи или Фреду. Мы нашли Джимми.

– Согласен. – Каллум стоит в двери рулевой рубки. – Выглядит лет на семь.

Лежащий передо мной маленький мальчик чуть младше, чем был Нэд. На нем сохранились остатки одежды, в том числе оба кеда. На голове видны клочки волос. Бо?льшая часть кожи разложилась. Плоть – все, из чего состояли пухлые щеки, округлый подбородок, сильные маленькие руки и похожие на спички ноги, – тоже не сохранилась. От Джимми остался только остов из кальция, которому было предназначено расти и становиться прочнее, превращая ребенка в большого, здорового мужчину.

Смотрю на свой гниющий бриг —

Но трупы вкруг лежат.

Кольридж. Теперь я вспомнила. Сэмюэл Тэйлор Кольридж, «Сказание о Старом Мореходе». Жуткое произведение. Нэд будет выглядеть примерно так же. Мой ангел теперь – труп в земле, медленно разлагающийся. Как этот ребенок. Нэд умер раньше, и от его тела почти ничего не осталось. Я раньше об этом не думала. В моей голове Нэд по-прежнему бледный, но в остальном ничуть не изменившийся маленький мальчик, который выскальзывает из теней в моем доме и гоняется за таким же призрачным братом от одного укромного уголка к другому.

Мне кажется, что я смотрю на Нэда. Как будто кто-то заставил меня раскопать его могилу и посмотреть на то, во что он превратился.

Судно накреняется, луч фонаря уходит в сторону. Я чувствую тяжесть двух ладоней на своих плечах. Испытываю почти непреодолимое желание опереться на эти ладони и закрыть глаза.

– Череп выглядит странно. – Каллум берет у меня фонарь и направляет луч на голову Джимми.

Я с трудом заставляю себя ответить:

– У него еще не сменились молочные зубы.

На челюсти Джимми, лишенной кожи и мышц, видны два ряда зубов, один под другим. Совершенно естественно для ребенка его возраста, но выглядит очень, очень странно.

У Нэда последний молочный зуб выпал за несколько дней до смерти. Нижний правый резец. Я до сих пор храню его в маленькой коробочке в форме сердца, рядом с кроватью. Будь это Нэд, я видела бы дырку… Я больше не могу на это смотреть. Просто не могу.

Каллум опускает фонарь.

– Иногда я вижу его отца в «Глоуб». Он работает в больнице.

Сестра Джимми учится в классе Кита. Я хочу произнести это вслух, доказать, что со мной всё в порядке, но не могу. Кажется, ее зовут Эмили. Милая малышка.

Каллум снова берет меня за плечи, но я стряхиваю его руки – в голову мне приходит ужасная мысль:

– Здесь могут быть и другие. Арчи и даже Фред. Мы должны искать. Арчи! Арчи, ты нас слышишь?!

Я чувствую дыхание Каллума у своего уха.

– Кэт, им больше негде здесь быть. Над водой только рубка и соседняя каюта. Каюту я осмотрел раньше, чем увидел его.

Нельзя сказать, что я ему не верю, – просто мне нужно убедиться самой. Я протискиваюсь через узкую деревянную арку, которая ведет в треугольную каюту на носу лодки. Кто-то – наверное, Каллум – открыл три рундука. Все они пусты, если не считать нескольких дюймов воды на дне. Пол каюты тоже покрыт водой высотой примерно с дюйм. Здесь никого нет.

Трап, ведущий в трюм, находится в рулевой рубке, у правого борта. Я направляюсь к ступеням, но Каллум меня удерживает:

– Не вздумай. Нет смысла спускаться в трюм посреди ночи.

– А что, если Арчи там?

– Если Арчи там, он уже мертв. До уровня воды всего две ступени. Это бессмысленно.

Воспользовавшись моим замешательством, Каллум выталкивает меня из рубки. Конечно, он прав. Здесь больше некуда спрятать тело, а осмотр трюма может и подождать. Адреналин, который привел меня на борт, заставил драться с мужчиной вдвое крупнее и дал мужество искать мертвого ребенка, закончился. Я выдохлась и чувствую себя еще более несчастной, чем за все последние три года. Честно говоря, не думала, что это возможно.

– Ты был прав, – шепчу я, пока мы идем по палубе. – Ну, почти. Мои поздравления.

– Ага. Люблю чувствовать себя умным.

* * *

На обратном пути соблюдать осторожность нет нужды. Воспользовавшись навесным мотором, мы через несколько секунд причаливаем к лодке. Куини тихо повизгивает, словно говоря «эй, там, поторапливайтесь».

– Радиосвязь здесь неважная. – Я поднимаюсь на борт вслед за Каллумом, и он поворачивается, чтобы помочь мне преодолеть последний фут. – Нужно обогнуть мыс. И волны там меньше.

Ближайшая гавань – Порт-Фицрой, и эта стоянка мне тоже хорошо знакома. Пока я привязываю лодку, Каллум связывается по рации со Стопфордом. Понимая, что, несмотря на поздний час, разговор могут слышать другие люди, он ограничивается минимумом подробностей. Я снимаю плащ и включаю обогреватель. Каллум заходит в рубку и садится напротив. От его присутствия эта комната всегда словно уменьшается в размерах. Он тоже снимает куртку. Куини прижимается ко мне и смотрит на него.

– Думаю, это «вспышка памяти», – говорю я. – На «Эндеворе». Когда ты слетел с катушек.

По его лицу видно, что он согласен. И ему стыдно.

– Ты говорил, что они прекратились. Говорил, что все прошло. – Я понимаю, что похожа на недовольную жену.

Фонарь в рубке за моей спиной светит прямо на Каллума, и мне видны его глаза разного цвета. Я ловлю себя на том, что перевожу взгляд с зеленого на синий. Никогда не могла решить, который из них нравится мне больше.

Вскоре после нашего знакомства Каллум рассказал мне о посттравматическом стрессовом синдроме, которым он страдает – как и многие солдаты,

участвовавшие в конфликте на Фолклендах. Психическое заболевание – а это оно и есть, тут не нужно себя обманывать – проявляется обычно в виде «вспышек прошлого», воспоминаний о боях. На несколько часов он полностью переносится в другое место, мрачное и жестокое. Я читала о посттравматическом стрессовом синдроме. «Вспышки памяти» – довольно распространенная вещь.

– Я тебя не обманывал. Они прекратились примерно через год после переезда сюда. Не знаю почему, но это помогает. Вернее, помогало… – Он прячет лицо в ладонях, запускает пальцы в волосы. – Пару лет назад приступы вернулись. Обычно я чувствую их приближение и стараюсь держаться подальше от людей.

Теперь он опустил голову и смотрит в пол кокпита.

– Их провоцирует стресс. Тревога. С моей стороны было глупо все это затевать. Я не слишком дружу с водой. По крайней мере, с тех пор… извини, тебе, наверное, не стоит этого знать.

– Что значит «не дружишь с водой»? Я видела, как ты плаваешь. При чем здесь вообще вода?

Каллум поднимает голову и долго смотрит на меня.

– Кэт, ты правда не знаешь? – наконец произносит он.

– Не знаю чего? – Сердце начинает учащенно биться. Кажется, я действительно не знаю. И, возможно, мне лучше не знать.

– В тот день, когда погибли Нэд с Китом, я был там.

Такое ощущение, что он снова меня ударил. Я практически ничего не знаю о несчастном случае, который стал причиной смерти моих сыновей. Знаю только, что машина, в которой их оставили одних, покатилась по склону – наверное, кто-то из мальчиков играл с ручным тормозом – и упала со скалы за моим домом. Пролетела двадцать футов и рухнула в воду во время прилива.

– Я видел, как машина уходит под воду. Я их вытаскивал.

Каллум был там. Видел, как это случилось. И не спас их?

Теперь он уже не сидит, а стоит на коленях передо мной.

– Мне пришлось спуститься со скалы. Там не очень крутой склон, ты знаешь, и не очень высоко, но все равно потребовалось какое-то время. Машина затонула раньше, чем я добрался до воды. Первым я вытащил Кита, потом Нэда. Положил их на камни, моля бога, чтобы они были просто без сознания, но я должен был вернуться и проверить, что в машине больше никого нет. Я знал, что это машина Рейчел, и думал, что она тоже может быть там. Или ее дети…

Наверное, я знала, что кто-то был свидетелем несчастья. Но не знала, что это Каллум. Никто не рассказывал мне подробностей, а я не спрашивала. Не проводила расследование.

– Нэд и Кит погибли от удара, Кэтрин. Они не утонули. Они уже были мертвы, когда я их вытащил.

Думаю, об этом я знала… да, конечно. Это просочилось сквозь пелену медикаментозного тумана, которой была окутана моя жизнь первые несколько недель после несчастного случая. Нэд и Кит не утонули. Они умерли мгновенно. Я всегда находила в этом какое-то утешение. Но… ужас! Те последние несколько секунд, пока машина падала…

Каллум держит меня за руки.

– Это еще не всё.

Я не уверена, что выдержу что-то еще.

Он сует руку в карман куртки. Я не сразу узнаю? предмет, который он извлекает из кармана, а когда узнаю?, то кажется, что вот-вот лишусь чувств. Проглотив скопившуюся во рту горечь, я протягиваю руку. После секундного замешательства Каллум отдает мне его.

– Именно об этом я и подумал, когда увидел. Он лежал на палубе – застрял среди каких-то цепей. Я сразу же его узнал, но решил, что это невозможно.

Каковы шансы?

Я держу в руке плюшевого кролика с длинными ушами и стеклянными глазами, одетого в синюю курточку. Цвета поблекли, сам кролик сморщился от морской воды, но я бы его все равно узнала. Кролик Бенни[14 - Кролик Бенни (Бенни Банни) – антропоморфный персонаж, появляющийся в ряде сказок английской детской писательницы Б. Поттер. Но, скорее всего, автор спутала его с двоюродным братцем Кроликом Питером, поскольку как раз тот носил синюю курточку.]. Любимая мягкая игрушка Кита. Когда он и Майкл были совсем маленькими, мы с Рейчел купили одинаковых кроликов для наших младших сыновей. Кит его очень любил. Чтобы вымыть игрушку, мне приходилось осторожно высвобождать ее из маленьких пальчиков спящего сына. Кролик был с Китом в тот день, когда он умер. С тех пор я его больше не видела.

– Несколько лет назад они были довольно популярны на островах, правда? – говорит Каллум. Я не могу оторвать взгляда от игрушки. – Наверное, он не Кита. Местный пляж часто прочесывают в поисках чего-нибудь ценного. Прилив всякое сюда приносит… Не думаю, что это кролик Кита.

Я снова киваю.

– Я нашел тело Джимми и уже возвращался, когда заметил кролика. – Мне кажется, Каллум продолжает говорить, потому что боится моей реакции. – Думаю, приступ вызвала именно игрушка, а не тело. Следующее, что я помню, – как ты бьешь меня по голове той железякой.

– Больно было? – Я отвожу взгляд от кролика и смотрю на рану на виске Каллума. Выглядит не слишком опасной, но я готова поспорить, что у него жутко болит голова.

– Еще как.

– Это хорошо.

– А тебе сильно досталось?

Горло у меня еще саднит, но серьезных повреждений нет. Вопрос в другом – что бы он сделал, не останови я его.

– Со мной всё в порядке. Но тебе, похоже, нужно кое с кем поговорить.

– Уже говорю.

Руки у него трясутся. В каюте тепло, воздух пропитан запахом керосина от печки, но мы все еще дрожим от холода.

– Выпей аспирин. – Я поднимаюсь со скамьи.

– Ш-ш… Слышишь?

Каллум встает, обходит меня и выходит в кокпит. Озадаченная, но не уверенная, есть ли причина для тревоги, я следую за ним и нахожу его на кормовой палубе.

Ветер и волны. Звук одиночества. Звук удаленности от всего. Но не только. Что-то музыкальное, красивое и невыразимо печальное. Песня китов.

– Должно быть, они близко.

Волна звука затихает, и я возвращаюсь в рулевую рубку за биноклем.

Каллум на палубе медленно поворачивается, пытаясь определить направление на источник звука.

– Ничего подобного я раньше не слышал. Думал, песню китов можно услышать только под водой…

Звуки на секунду стихают, и мы слышим лишь грохот волн и вой ветра с холмов.

– Явление необычное, но такое случается. Говорят, киты разговаривают с людьми. И даже с собаками.

– Кто это?

Я приставляю ладонь к уху, показывая, что слушаю, и жду, когда песня зазвучит снова. Сначала слышен только плеск волн, но затем на него накладывается протяжное низкое рычание, которое сменяется мурлыканьем, словно где-то прячется огромный кот. Затем звук резко меняется на один мелодичный высокий, почти резкий тон.

– Думаю, это не дельфины. – Я подношу бинокль к глазам и смотрю в нужном, как мне кажется, направлении. – У тех больше чирикающих, щелкающих звуков. – Ничего не видно. Слишком темно, а животные слишком далеко от нас. – Возможно, это горбатые киты, поскольку у них самая сложная песня; но сюда они редко заплывают.

– Печальная песня…

Звуки повторяются, составляют ритмический рисунок, чем-то напоминающий человеческую песню. Затем слышится свист рассекаемого воздуха и удар. Я передаю бинокль Каллуму, но он тоже не видит китов. Они не в самой бухте, но где-то рядом. Мы слушаем еще пять иди десять минут, пока песню не заглушают ветер и волны. Потом возвращаемся в рубку. Но не садимся. Что-то изменилось. Мои мысли заняты не мертвым ребенком – и не пропавшим.

– Сколько Стопфорду нужно времени, чтобы сюда добраться?

Каллум качает головой:

– Я бы сказал, чуть больше часа, но он не сможет собраться так же быстро, как мы. Тебе нужно отдохнуть.

Мы оба смотрим на закрытую дверь каюты на носу. Я точно знаю, о чем он думает. Я тоже об этом думаю.

– Каллум, насчет… Извини… Я просто… – Я понятия не имею, что хочу сказать.

Он улыбается – я очень давно не видела улыбки на его лице. Хотя, наверное, это самая грустная улыбка из всех, что я когда-нибудь видела.

– Я знаю, – говорит он.

Это хорошо. Потому что я не знаю.

* * *

Куини прыгает ко мне на койку. Шкура у нее мокрая от брызг, и собака не жалуется, когда я прижимаюсь к ней. Мы лежим вдвоем без сна и дрожим. Нам слышно, как Каллум ходит в рубке, как спускается вода в туалете, а затем наступает тишина – он ложится отдохнуть.

Ветер усиливается. В этой части света шторма возникают внезапно. Лодка начинает раскачиваться и дергать якорь, а с мыса доносится странный свист. Задремывая, я снова слышу китов. На этот раз это явно два разных вида животных – протяжная печальная песня больших зубатых китов и легкие, чирикающие ноты дельфинов. Каллум ошибался, думаю я, стараясь не проснуться. Это не печаль. Это страх.

* * *

Когда мне было пятнадцать, мы с отцом спасли молодую гринду, которая едва не утонула. Мы ловили рыбу в большой лодке с плоским дном. Рыбалка выглядела так: мы расставляли тяжелые сети в заранее выбранных местах, периодически вытаскивали их, фотографировали пойманную рыбу, делали запись в журнале, а затем отпускали. Проведя около часа за этим занятием, мы заметили в воде большой силуэт. Серо-черный, гладкий и неподвижный.

– Что это?

– Думаю, молодая гринда. Видишь круглую голову? И довольно большой грудной плавник?

– Она мертвая? – Дельфин громко выдохнул, словно отвечая на мой вопрос.

Все равно что-то было не так – это видела даже я. Дельфин почти не двигался, а его хвост словно притягивало ко дну.

– Я посмотрю. – Отец взял трубку и маску.

Он медленно приблизился к дельфину, прекрасно осознавая опасность, и поплыл вдоль тела животного от головы к хвосту. Через пару минут вынырнул на поверхность и вернулся к лодке.

– Он запутался в рыболовной сети.

Я помогла папе залезть в лодку.

– Сеть обмоталась вокруг хвоста и обоих грудных плавников, до самого спинного плавника. Он не может плыть, а хвост тянет его вниз.

Я посмотрела на темную продолговатую тень в воде. Похоже, дельфин приблизился и повернул голову так, чтобы нас видеть.

– Что с ним будет?

Отец никак не мог отдышаться.

– В конечном счете у него закончатся силы, и он не больше не сможет держаться у поверхности. Опустится на глубину и утонет.

– Папа, мы должны что-то сделать. – В пятнадцать лет вы по-прежнему уверены, что отец может все, если захочет.

Я смотрела, как он думает. Приближаться к испуганному, раненому дельфину очень опасно. Одно непредсказуемое движение плавником, и мы окажемся в воде. С другой стороны, если ничего не предпринимать, животное погибнет.

Конечно, мы ему помогли – в этом не могло быть сомнений. Думаю, я бы плакала всю обратную дорогу, если б мы оставили его. И отец тоже. Мы на веслах подплыли к дельфину и начали – я в лодке, отец в воде – снимать сеть.

Рыболовные сети очень тяжелые и прочные. У нас было два ножа, но по большей части приходилось просто тянуть. Примерно полчаса ушло на то, чтобы освободить спинной и один грудной плавники. Обнаружив, что снова может

двигаться, дельфин понесся вперед с огромной скоростью, протащив нас за собой больше сотни метров, но потом устал, и мы возобновили работу.

Через час освободился второй грудной плавник, и ситуация уже не выглядела такой безнадежной. Еще один круг по заливу, и дельфин успокоился, позволив освободить от сети свой хвост. Потом мы долго лежали на дне лодки, пока отец не собрался с силами, чтобы встать и запустить мотор.

Но дельфин не уплыл. Он плескался рядом, метрах в пятидесяти по левому борту. Когда мы поплыли, животное сопровождало нас, выныривая то справа, то слева. Дельфин выпрыгивал из воды, потом уходил на глубину и появлялся в самом неожиданном месте. Мы с восхищением наблюдали за мельканием плавников и ударами хвоста по воде – настоящая морская акробатика. Он не отставал от нас до тех пор, пока мы не добрались до порта Стэнли, где отец заглушил двигатель. Когда винт замер и наступила тишина, животное подплыло к самому борту. Мы увидели блестящие черные глаза, смотревшие прямо на нас, наклонились и погладили круглую голову дельфина. И он уплыл, на прощание игриво шлепнув по воде хвостом.

– Как вы его назвали? – спросила потом Рейчел.

Я пожала плечами. Мы с папой были слишком заняты, пытаясь спасти дельфина, и нам даже в голову не пришло дать ему имя.

– Однажды, когда вы потеряетесь в океане и начнете тонуть, он появится и спасет вас, – объявила Рейчел, и по ее восторженному тону было понятно, что спорить бесполезно. – И тогда вы дадите ему имя.

* * *

Увидев во сне Рейчел, я проснулась с той безумной, неукротимой яростью, которая рождается просто от ее присутствия в моей голове. Встала, стараясь не потревожить Куини. Из рубки не доносилось ни звука.

Полночь уже миновала. Наступила среда. Еще на день ближе к годовщине гибели мальчиков. К тому моменту, когда все изменится.

Дверь тихо открывается. Должно быть, Каллум не спит – не удивительно, потому что скамья, на которой он лежит, на два фута короче, чем он. Ноги упираются в переборку, сгорбленные плечи прислонились к боковой стенке холодильника. Тем не менее он спит. Дыхание глубокое, лицо полностью расслаблено.

Я набираю полную грудь воздуха, заставляя себя успокоиться и унять дрожь.

Крепкий сон достался Каллуму в наследство от армии – он умеет использовать для отдыха любой подходящий момент. Помню, мы шутили, что через десять минут после того, как он отключился, его не разбудит даже подожженный под задницей фейерверк.

Больше у меня такой возможности не будет.

Подхожу ближе, неслышно переступая босыми ногами. Теперь я уже немного успокоилась. Уже не дрожу, а если и дрожу, то по другой причине. Опускаюсь на колени рядом с Каллумом и наклоняюсь, чувствуя его дыхание на своем лице. Еще ближе. Вдыхаю запах кофе, его кожи и шампуня, которым он в последний раз мыл голову. Прижимаюсь щекой к его щеке, чувствую его кожу, колючую щетину бороды, затем касаюсь губами его губ.

И надолго замираю, дыша в унисон с ним, мечтая о том, чтобы он проснулся, и надеясь, что этого не произойдет. Затем вспоминаю, как он улыбался Рейчел, и уже больше не могу оставаться рядом.

В следующий раз я просыпаюсь ближе к утру. К нам подплыла лодка. Я слышу стук фалов, брошенных на палубу, мягкий удар кранцев другого судна. Кажется, кто-то произносит мое имя, и я жду, что меня разбудят. Но никто меня не зовет, и я опять засыпаю.

День третий

Среда, 2 ноября

7

Я снова просыпаюсь еще до рассвета, но когда выхожу на палубу, небо уже начинает светлеть. Мы с Куини одни. Звуки, которые я слышала несколько часов назад, издавал полицейский катер, забравший Каллума.

Ночью спустился туман. Он выглядит таким плотным, словно по нему можно перейти с одного берега на другой – настоящая белая стена. Или гигантская волна, растянувшаяся между двумя скалами; на мгновение мне кажется, что она движется на меня. Туман похож на барьер, который не позволит мне покинуть безопасную гавань. Может, стоит прислушаться к тому, что говорит мне природа? Может, стена тумана появилась здесь для того, чтобы уберечь меня от беды?

Первые лучи солнца окрашивают облака в теплый розовый цвет, и стена начинает распадаться. Проходит немного времени, и я уже вижу линию, где океан встречается с небом. Не знаю, что меня там ждет, но туман пропускает меня.

Прослушав переговоры на радиочастоте порта, я понимаю, что обыск судов вчера вечером ничего не дал. Арчи Уэста, маленького болельщика «Арсенала», не могут найти уже почти двое суток. Я также слышу, что происходит за мысом.

Повернув к Порт-Плезант, я вижу, что приблизиться к «Эндевору» не получится. Рядом с ним стоят на якоре два полицейских катера, военный катер и водолазный бот. На носу бота Каллум. Слышимость здесь хорошая, и он, очевидно, слышал, как я приближаюсь. Каллум поворачивается и что-то говорит, а затем на палубе появляется Стопфорд. Я смотрю, как они спускаются в полицейский катер и направляются ко мне.

* * *

– Кэтрин, что вы знаете о здешних приливах? – спрашивает Стопфорд, как только они поднимаются на борт. – Говорят, на берег выносит много всякого.

– Совершенно верно. – Я говорю со Стопфордом, но смотрю на Каллума. На его щеках и подбородке проступила разноцветная щетина из светлых, рыжих и каштановых волос. Теперь в ней есть и седые волосы, а лицо более худое, чем когда мы познакомились. Или он просто устал, потому что почти не спал две последние ночи. Подтверждая мою мысль, Каллум садится на деревянную скамью из реек, которая тянется вдоль борта. Куини прыгает к нему на колени. Он протягивает руку, чтобы погладить собаку, и я вижу, что рука у него дрожит.

– Мы пытаемся понять, оставили ли парня на корабле или его принесло приливом, а тело застряло в рулевой рубке. – Стопфорд повышает голос, чтобы привлечь мое внимание.

Я задумываюсь. Порт-Плезант, как и большинство заливов на Фолклендских островах, длинный и извилистый. Кроме того, прямо посередине входа в залив есть остров. На нем оседает весь плавающий мусор. В том числе, как мне представляется, человеческие останки.

– Вполне возможно, – говорю я. – Большая волна могла принести его на судно, а как он мог застрять, представить нетрудно. Это Джимми?

Лицо Стопфорда каменеет.

– Слишком рано делать выводы. Мы заберем его. Надеюсь, дантист нам поможет.

Я вспоминаю о маленьком черепе, который мы видели при свете фонаря, и двойном ряде зубов, испугавшем Каллума.

– Вы нашли на судне что-то еще? – Разумеется, я имею в виду не что-то, а кого-то. Просто не хочу поизносить это вслух.

– Пока нет. Но водолазы будут работать весь день. При необходимости мы отбуксируем все останки судна в Стэнли. Я буду благодарен, если вы с Каллумом не станете рассказывать о том, что нашли здесь. Пока мы не подтвердим личность парня и не поговорим с его родителями.

К этому времени половина жителей островов уже знает о найденном нами теле, но я все равно киваю в знак согласия. Каллум тоже. Попросив нас оставаться на связи, Стопфорд спускается в катер и возвращается к «Эндевору».

– Я что-то пропустила?

Каллум пожимает плечами:

– Предстоит решить, что именно мы нашли: жертву убийства или застрявшее свидетельство несчастного случая. Совершенно очевидно, на чьей стороне Стопфорд.

Я задумываюсь на секунду.

– И как это отразится на Арчи? Я имею в виду, на его поисках?

– Были разговоры о том, чтобы обыскать другие обломки кораблекрушений. По крайней мере, те, которые частично выступают над водой. Уже кое-что. Я этим займусь.

– Нам пора возвращаться. Ты замерз. Иди внутрь и постарайся согреться.

К моему удивлению, Каллум не спорит. Когда он спускается в каюту, Куини идет за ним, как будто она – его собака, а не моя.

Я запускаю двигатель, поднимаю якорь и направляю лодку в открытое море. Убедившись, что мы покинули залив, включаю автопилот и, стараясь не шуметь, пробираюсь к сиденью в рулевой рубке, где Каллум оставил куртку.

Плюшевый кролик прячется во внутреннем кармане. На одном ухе видны сделанные вручную стежки: заводской шов разошелся, и кто-то – думаю, это была я – зашил его. Сомнений, что это игрушка Кита, у меня почти нет. Высчитывать вероятность того, что она окажется на «Эндеворе», а также вероятность, что там найдут и ее, и тело бедного Джимми, – это выше моих сил, но это последняя игрушка, которую держал в руках мой ребенок. Я сую кролика под рубашку и прижимаю к груди. Он грязный, холодный и мокрый, но его место здесь.

Приближаясь к Стэнли, я встречаю рыболовные суда, направляющиеся в открытое море. Разворачиваюсь, причаливаю и привязываю лодку. Весь обратный путь ни мужчина, ни собака не выходят из каюты, поэтому я нисколько не удивлена, увидев их на койке, свернувшихся калачиком под одеялами и погруженных в глубокий сон. Куини открывает глаза. Я жду, чтобы она выбралась из постели и присоединилась ко мне, но собака остается лежать на согнутой руке Каллума.

Перед тем как сойти на берег, я сую кролика Бенни в шкафчик в рулевой рубке. Я хочу, чтобы он был рядом, когда я в следующий раз покину порт. Хочу, чтобы он был со мной до конца.

Я устала. Телом и душой. Устала заставлять себя беспокоиться о детях, которые мне безразличны, тратить силы на поиски не своих мальчиков. Мне еще никогда не было так холодно. Нет, я не чудовище.

В былые времена я точно так же, как все, переживала бы из-за пропажи Арчи и из-за находки тела Джимми. Но теперь мне иногда кажется, что от той женщины почти ничего не осталось.

Времени осталось очень мало, и я хочу, чтобы меня оставили в покое. Хочу быть только с теми двумя людьми, которые мне не безразличны. Даже если они призраки. Но на этом этапе нельзя привлекать к себе внимание. Еще один день я должна делать то, что от меня ждут.

Поэтому я иду в офис, чтобы проверить, возобновилась ли нормальная работа или же мы посвятим еще один день поискам Арчи. Сьюзен пребывает в состоянии, похожем на панику.

– Звонила твоя тетя Джейни. Просила срочно перезвонить. Проблема на Спидвелле. – Она протягивает телефон, и у меня не остается выбора, кроме как взять его и набрать тетин номер.

Спидвелл – это остров к югу от побережья Восточного Фолкленда, рядом с островами Джордж и Баррен. Он принадлежит тете Джейни и ее мужу, и часть времени они проводят там. Тетя Джейни сразу же берет трубку. Я понимаю, что она сидела у телефона.

– Кэтрин? У нас большая проблема. Дельфины на берегу. Сотни.

Сьюзен пристально следит за моим лицом. Я морщусь, давая понять, что все плохо.

– Они живы? – спрашиваю я, честно говоря, надеясь услышать «нет».

– По большей части. Но птицы уже принялись за них. Кэтрин, это ужасно!

Расстроить тетю Джейни не так-то просто. Я говорю, что приеду как можно быстрее. В этот момент входит Джон.

– Массовый выброс дельфинов на южном берегу Спидвелла, – сообщаю я. – По словам Джейни, больше сотни. Скорее всего, гринды.

Мои коллеги молчат. Именно такой катастрофы мы все боялись, и к ней невозможно быть готовым.

– Нам никто не поможет. – Сьюзен побледнела. – Все будут искать маленького мальчика.

Обычно в подобных случаях мы можем рассчитывать на помощь полиции и военных. Но ребенка еще не нашли, и шансов, что нам выделят людей, нет почти никаких.

– Сегодня мне нужно на это совещание, по поводу рыболовства, – говорит Джон.

Совещание планировалось на протяжении нескольких месяцев. Мы обсуждали продажу прав на вылов рыбы на определенных участках. Это важный вопрос. Острова нуждаются в доходах. Джон обязан там присутствовать. А это значит, что руководить буду я. Сьюзен останется в офисе в роли диспетчера.

– Но это же ваша специальность, да? – Сьюзен смотрит на Джона, ожидая подтверждения.

– Дельфинами занимается Кэтрин.

Я киваю:

– Я знаю, что делать.

– Могу заняться обзвоном. – Джон первым берет себя в руки. – Объясню ситуацию Стопфорду и Вутону; посмотрим, кого они смогут выделить.

– И радио тоже. Люди должны сами решать. – Мне хочется сказать, что Арчи почти наверняка покоится на дне болота или унесен в море, а шанс спасти дельфинов еще есть. Но я молчу. Возможно, все дело в том крошечном скелете, который все это время лежал на «Эндеворе». В любом случае я ничего не говорю.

– Что тебе нужно? – спрашивает Джон.

– Достаточно пары вертолетов с хорошей грузоподъемностью. Если нет, то как можно больше людей. Маленькие лодки с мощными моторами, сгодятся и водные мотоциклы. Веревки, носилки, ведра и много простыней или брезента. И лопаты, побольше лопат. Я про ведра говорила?

Сьюзен составляет список, Джон отправляется на поиски телефонной книги.

– Я вернусь во второй половине дня, – говорит он.

Следующие полчаса я собираю всё, что понадобится. Появляется Пит, и его помощь весьма кстати. Джон закончил обзвон, и мы обсуждаем разные сценарии. Ни один из них не вызывает ничего, кроме страха. Они надеются, что Джейни преувеличила масштаб проблемы. Я не решаюсь сказать, что Джейни никогда не преувеличивает.

Уже собираюсь уходить, когда на пороге появляется констебль Скай:

– Старший суперинтендант поручил мне заглянуть к вам. Мы постараемся направить часть людей на Спидвелл, но нам нужно сосредоточиться на поисках маленького Арчи.

– Очистите местность от домашнего скота и еще раз просканируйте инфракрасными датчиками, – советую я. – Вы его найдете.

Ее глаза наполняются слезами. Я все время забываю, как она молода. Забываю, что можно быть такой юной и ранимой, когда смерть незнакомого человека так сильно тебя расстраивает.

– Мистер Стопфорд предпочел бы, чтобы вы остались здесь, – продолжает Скай. – Вы и Каллум. На случай, если ему понадобится еще раз с вами поговорить.

– Со мной можно будет связаться по рации, весь день.

Констебль не получила ответа, на который рассчитывала, но не настаивает.

– Мне жаль, что я не могу отправиться на Спидвелл. Шеф назначил меня ответственной за связь с родителями Арчи.

Мне хочется сказать, что лучшего выбора и представить нельзя, но я разучилась говорить комплименты и поэтому просто киваю. Она медлит несколько секунд, затем идет к выходу, потирая бедро, и исчезает за дверью.

Пит помогает погрузить оборудование, и мы трогаемся в путь. Лодка, пришвартованная у причала, пуста. Меня охватывают сомнения – можно ли оставлять Куини с психически неуравновешенным человеком. На собственную безопасность мне плевать, но если он обидит мою собаку, я его убью.

Однако делать нечего. У меня нет времени их разыскивать, а Куини в любом случае уже три года вынуждена мириться с психической «уравновешенностью» хозяйки. Сомневаюсь, что она почувствует разницу.

Мою лодку мы оставляем у причала. Она недостаточно быстрая. Надувная лодка с жестким дном доставит туда за час, и даже если кто-то уже отправился на остров, большую часть из них мы обгоним.

– Гринды? – Питу приходится кричать, чтобы перекрыть рев двигателя.

– Вероятно. – Я увеличиваю скорость до максимума. Джейн – истинная дочь дедушки Гроб и разбирается в китообразных. Кроме того, именно гринды чаще всего массово выбрасываются на берег. – Ничего хорошего нас не ждет.

И это еще мягко сказано. Из всех возможных морских катастроф – разлив нефти, загрязнение – выброс на берег стада морских млекопитающих считается одной из самых сложных и психологически тяжелых проблем.

Приближаясь к Спидвеллу, мы обгоняем несколько лодок, которые идут тем же курсом. Одна из них, похоже, с круизного судна, что вряд ли можно считать хорошей новостью. Жители островов прагматичны и готовы энергично взяться за дело, если перед ними поставить разумную задачу. Другое дело – заморские гости. Они не понимают природу.

– Почему? – кричит Пит. – Почему это происходит?

Я не могу ответить на этот вопрос несколькими словами или на языке жестов. На самом деле причину не знает никто. Мой отец, всю жизнь изучавший случаи выбрасывания на берег китов и дельфинов, сравнивал это явление с автомобильными авариями. Сломаться может все, что угодно, но результат одинаковый. Животные сталкиваются с судами, их атакуют хищники, а у северных берегов США распространенной причиной выброса на берег является пневмония. У животного может быть вирус, поражение головного мозга, паразиты. Очень часто китообразных выбрасывает на берег уже после гибели.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Здесь и далее пер. В. Левика.

2

Кокпит – внутреннее пространство судна, предназначенное для нахождения в нем рулевого и пассажиров.

3

Аргентина до сих пор называет этот архипелаг Мальвинскими островами, в то время как для всего остального мира они остаются Фолклендскими.

4

1 фут = 30,48 см.

5

Нантакет – остров в Атлантическом океане у Восточного побережья Северной Америки.

6

Южная Георгия – крупный субантарктический остров в Южной Атлантике.

7

Дроссель – устройство для изменения расхода рабочей жидкости с целью регулирования скорости.

8

Швартов – трос, предназначенный для подтягивания и удержания судна у причала или у борта другого судна.

9

Песня ямайского исполнителя Айни Камозе.

10

Американский телесериал о супергероях (с 1993 г.).

11

Дифференциал – механизм передачи мощности вращением. В первую очередь это необходимо при поворотах.

12

Сериал, выходивший в Англии в 1975–1979 годах. Был внесен Институтом кино в список «100 величайших телепрограмм страны».

13

Самая восточная точка Фолклендских островов.

14

Кролик Бенни (Бенни Банни) – антропоморфный персонаж, появляющийся в ряде сказок английской детской писательницы Б. Поттер. Но, скорее всего, автор спутала его с двоюродным братцем Кроликом Питером, поскольку как раз тот носил синюю курточку.

Купить: https://tellnovel.com/bolton_sheron/malen-kaya-chernaya-lozh

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити